

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330.1

**Е. А. КОСЬМИНА
Е. П. КУКЕЛЬ**Омский филиал
Академии бюджета и казначейства
Омский государственный технический
университет

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КАПИТАЛ»

В статье рассматриваются интеллектуальные источники теории человеческого капитала, степень ее состоятельности и мера ее практического использования. Авторы считают не совсем корректным словосочетание «человеческий капитал», являющееся по определению синонимом категории «рабочая сила». Все ныне институционализованные формы капитала по критерию своего происхождения являются человеческими. Вернее было бы все «семейство» капиталов объединить одним названием «совокупный капитал общества», особое место в нем определив личностному капиталу, ибо только состоявшаяся как таковая личность может характеризоваться теми или иными видами инкорпорированного в личности капитала.

Понятия, будучи отражением объективной реальности, столь же пластичны, как и сама действительность, обобщением которой они являются. Они «...должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» [1, 131].

Научное понятие не есть что-то завершенное и законченное: оно включает в себе возможность дальнейшего развития. Основное содержание понятия из-

меняется лишь на определенных этапах развития науки. Такие изменения являются качественными и связаны с переходом от одного уровня знания к другому, к знанию более глубокой сущности мыслимых в понятии предметов и явлений. Движение действительности можно отразить только в диалектически развивающихся понятиях.

В связи с развитием деятельности человека, в процессе которой он преобразует мир и познает его, чис-

ло и содержание категорий обогащается. Выражая существенные связи развивающейся действительности, законы движения природы, общества и мышления, они должны быть такими же подвижными, гибкими, как и отражаемые ими явления.

Выражая как бы каркас мира, категориальная структура мышления сравнительно устойчива. Вместе с тем она изменчива, исторична. Особенно подвижным является содержание категории. Происходит углубление и обогащение уже имеющихся категорий. Речь идет прежде всего о категории «капитал», как наиболее универсальной и необыкновенно подвижной.

В своем исследовании мы опирались на интеллектуальный фундамент классиков и экономической, и социологической теорий.

Один источник — работы К. Маркса (исследовательские), но не «Капитал», в котором излагаются результаты исследования и в котором утверждается, что капитал по определению, — это отношение эксплуатации, в результате которой некая стоимость самовозрастает. А сама по себе категория «капитал» присуща только обществу определенного уровня развития, т.е. исторически переходящая.

Второй интеллектуальный источник — труды гениального французского социолога Пьера Бурдьё, находившего истоки своего вдохновения в трудах К. Маркса и зачисленного своими современниками в ряды французских марксистов. Однако у Бурдьё прослеживается яркое расхождение с марксизмом в трактовке социальных классов и исследовательской позиции — так называемый экономизм, при которой (позиции) социолог а priori отдает предпочтение, пальму первенства экономическим отношениям, выводя из них и подчиняя им все остальные социальные отношения. Не отрицая важности экономических отношений и конституирующей роли экономического капитала, в нашей интерпретации — вещественно-энергетического в структурировании социального пространства, П. Бурдьё неизменно подчеркивает многогранный характер социальных отношений, в котором экономическая составляющая — лишь одна из многих. Он всегда настаивал на тезисе несводимости всех общественных отношений к экономическим, на идее комплексности социального.

Основные концепты П. Бурдьё: «класс», «капитал», «производство», «рынок», «интерес» — кажутся вполне марксистскими, если не вникать в трактовку, которую им дает автор. Нас в данном случае интересует его трактовка капитала, «оторванная» от марксистской базовой оппозиции «эксплуататоры-эксплуатируемые». П. Бурдьё расширял число «социальных (надстроечных)» видов капитала, вводя в своем исследовании капитал социальный, культурный и человеческий. Третий источник — представление о развитии современной теории человеческого капитала в связи с явной экономической интервенцией в социологию.

Широкое использование категории «капитал» в социологии стало возможным после выхода в свет книги Г. Беккера «Человеческий капитал» (1964 г.). И Г. Беккер, и Т. Шульц, и Дж. Стиглер и др. допускали, что для каждого рода деятельности могут быть найдены особые формы капитала (допускали, зная позицию Маркса по этому поводу).

И наконец, очень сильное влияние на позицию автора было оказано интеллектуальными пророками своего отечества, которые задолго до экономической интервенции в социологию аргументированно обосновали новые формы капитала, по силе своего влияния на процессы общественного развития превосхо-

дящие капитал экономический. Речь идет о таких известных русских экономистах XIX — начала XX века, как о Мордвинове Н. С. (капитал образования и культуры), Шторхе А. (Г.) К. (интеллектуальный, нематериальный капитал), Посошкове И. Т. (нравственный капитал), Пихно Д. И. (административный капитал), Янжуле И. И. (культурный капитал) и т.д.

Общим основанием для развертывания понятия «капитал» является историческое и концептуальное.

Историческое основание. Коротко о ретроспективе. Понятие «капитал» эволюционировало по различным векторам в зависимости от степени лояльности (враждебности) к существующему, господствующему социально-экономическому устройству общества. Возникновение частной собственности и государства на самой ранней стадии развития общества обуславливает появление на исторической сцене первой и естественной формы капитала — субъектно-объектной, имея в виду первую производительную силу труда-раба (рабов).

Раб являл собою «средство», к которому обращались имущие для достижения определенных целей (результатов). Именно это естественная и первозданная форма капитала генерирует невиданный накал враждебности к господствующему классу (восстание Спартака, например), поскольку раб был лишен и формальной, и экономической свободы. В римском праве раб (*servus*) правильно определен как человек, который ничего не может приобретать для себя путем обмена [2, 192].

Раб являлся доминирующим объектом собственности, обладание которым и использование которого позволяло обществу достигать решения осознанных проблем.

Рабовладельческий строй, исчерпав свой исторический потенциал, уступает место более «мягкому», либеральному феодальному, доминирующим объектом собственности которого являлась земля. Это исторически первая объектная форма капитала (природный капитал), различные рода инвестиции в который оборачиваются (сопровождаются) не только ее сохранением, но и возрастанием производительной силы земли, ее плодородия, увеличением непрерывного потока доходов, увеличивающих ее «цену», «ценность», т.е. уровень капитализации.

Это — эпоха возмужания и расцвета ростовщического и купеческого капиталов «меркантилистского» происхождения. Однако сфера обращения постепенно теряла свою монополию на исключительное право создания стоимости.

Период первоначального накопления реального капитала, становления буржуазного общества кладет начало победному шествию промышленного капитала, подчинившему себе процесс производства и обслуживающие его указанные выше «допотопные» формы капитала.

Впервые в истории человечества значительное количество людей обретают свободу, свободу от средств производства, от средств существования, а также формальную, юридическую свободу.

Доминирующим объектом собственности становится материально-вещественный капитал, как основа господства над формально свободными людьми. Форму капитала приобретает и способность работников к труду, т.е. их рабочая сила.

По А. Смит и К. Марксу, прибыль — это эксплуататорский доход, создаваемый неоплаченным трудом наемных рабочих. К такому выводу в результате завершения исследования роли труда в процессе

производства Маркс пришел, во-первых, потому, что в те времена требовалось объяснить социальное неравенство, обострившееся при переходе к капитализму. Поэтому мысль об эксплуатации тех, кто живет в нищете, хотя и обладает трудовыми навыками, квалификацией и знаниями, теми, кто богат, была естественной. Это, что называется, объяснительная (оправдательная) версия эксплуатации, средством которой являлся капитал. Во-вторых, до Маркса в экономической теории (классической) была достигнута конвенция по поводу природы и причин богатства народов¹. На передовые рубежи выходит проблема распределения богатства между различными группами (слоями, стратами) общества, проблемы социальных отношений и социальной справедливости. Трудовая теория стоимости (с подачи У. Петти), изящно уточненная Марксом, оказалось очень своевременной и надежной платформой для выполнения «партийного поручения». Первый Интернационал «заказал» капитализм Марксу. И он блестяще выполнил этот заказ в качестве идеологического киллера, не очень напрягая свой гений по «пустякам» — «что производить? как производить? и для кого производить?»

В настоящее время пальма первенства принадлежит проблеме капиталообразования, создания стоимости фирмы в отличие от проблемы распределения стоимости.

В теорию капитала (капиталов) можно вдохнуть новую жизнь и реконструировать ее, используя при этом концепцию «операциональной значимости». Определение капитала, как «отношение, представленное в вещи» (К. Маркс) операционально незначимо, поскольку в современном мире не столь (или не так) остро стоит вопрос о социальных отношениях справедливости.

К. Маркс, как и его последователи, «ядром» своего экономического учения считал теорию прибавочной стоимости, или, иначе говоря, теорию классовую эксплуатацию наемного труда.

В том, что такая эксплуатация была широко распространена в XIX в., мало у кого возникали сомнения. В конце века под давлением рабочего движения в индустриальных странах Западного государства началось ее ограничение, и эта тенденция продолжалась в первой половине XX в. Перелом произошел в десятилетие после второй мировой войны, когда было принято демократическое законодательство, фактически гарантировавшее наемным работникам и всему трудящемуся населению распоряжение более чем 9/10 национального дохода. Классовая эксплуатация «почти» умерла.

Исследователю чужда неизменность шкалы предпочтений (шкалы ценностей) во времени². Теория капитала Маркса была значима и предпочтительна в его время, время нарастания протестной волны эксплуатируемых, зарождения интернационального движения за разрушение эксплуататорского строя. Капитал, по Марксу, составляет противоположность труду, является результатом его эксплуатации. В роли могильщиков капитализма он усматривал пролетариат³, для которого и был написан его «Капитал»⁴.

А теперь о концептуальном основании.

Общезвестно, что любая новая теория в какой-то мере содержит старую как приближение, что является «требованием» преемственности в развитии любых процессов, в том числе и в теоретических исследованиях. Когда новая теория более высокого уровня общности объясняет какие-то прежние теории посредством (путем) их корректирования, то это есть убедительное подтверждение того, что новая теория про-

никла в проблему глубже, чем прежние. В физике, например, теория относительности Эйнштейна не отвергает теорию Ньютона, а теория реактивного сопла не отвергает теорию двигателя внутреннего сгорания. Это можно назвать «принципом соответствия».

В соответствии с этим принципом можно рассматривать и *современную теорию* человеческого капитала. Развитие теории капиталов в ее современном виде стало возможным благодаря двум представителям «чикагской школы» — Т. Шульцу и Г. Беккеру, которые были удостоены Нобелевской премии (1979 г. и 1992 г.) за разработку теории человеческого капитала. Их теория базируется на стройной (и не устаревшей) системе взглядов на капитал В. Петти, А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Ст. Милля, Людвига Якоба, К. Маркса, А. Маршалла и других, воззрения которых они органично «вплели» в ткань своей теории человеческого капитала.

Новая теория капиталов дополняет, развивает старую теорию прибавочной стоимости К. Маркса, рассматривая ее как частный случай.

Что же касается интеллектуального источника, предшественника современных теоретиков человеческого капитала, то им, несомненно, были А. Смит, Д. Рикардо и К. Маркс.

Аксиоматично то, что каждый мыслитель, исследователь опирается на достижения предшественников. Теоретики человеческого капитала не «гнездятся» на плечах указанных выше великанов, хотя их теория вторична (ленинскому гению не отказать в признании вторичности своего «империализма» — он не только почитал своих предшественников — Гильфердинга, Гобсона и др., но и читал, и ссылаясь на них; еще с более глубоким уважением к своим предшественникам относился К. Маркс).

Нам представляется, что полезное в теории столпов так называемого человеческого капитала заключается исключительно в переложении известных истин, идей, но в новой языковой оболочке, в новых терминах, не всегда корректно сочетаемых (например, биологическая аргументация в пользу термина «человеческий капитал» — он (капитал) человеческий потому, что является частью человека?!). Это так называемое «открытие» не носит имя своего (своих) истинного (истинных) автора (авторов). В точном соответствии с законом эпонимии Стиглера.

Представителям теории человеческого капитала не удалось избежать первопродолческих самообольщений, поддержанных, к сожалению, восторженными российскими эпигонами.

Теория человеческого капитала оказалась невостребованной прежде всего потому, что, как отмечал И. Бродский «...работы определенного автора всегда в некотором смысле Евангелие, чьи строки обращают в веру писавшего их гораздо радикальнее, чем читателя» [3, 33]. Увеличение когорты исследователей данной проблемы с различными «вероисповеданиями» отсекает от себя барьером инструментальной сложности не только практиков, желающих материализовать эти идеи, но и большинство экономистов, нежелающих их понимать из-за трудоемкости такой работы⁵.

Вот почему отмечаемый в 1990-е гг. особый всплеск интереса к «сюжетам» человеческого капитала в отечественной экономической литературе постепенно угасает.

Для термина «капитал» характерна многозначность. Под капиталом понимается «денежное имущество, богатство в деньгах, наличные деньги, наличность, ценность всякого заведения, а также способности,

МОДУЛИ										
Являющиеся формы модулей	Природный	Физический	Вещественно-энергетический	Социальный	Культурный	Административный	Политический	Гуманистический	Медиатический	Интеллектуальный
Инкorpopиpованная (диспoзиции, способности)	Самовоспpоизвoдствo. Рента. Разум	Совoкупность пpоизвoдствeнных способностей	Экoнoмичeская дoбавлeнная стoимoсть. Максимальная ликвидность	Сoблюдeние oбязатeльств. Дoверие. Тoлepантнoсть. Нopмы.	Сoциальнo вьстpoeнные фopмы влaдeния. Нoвыe сoциaлизaции	Регулиpoвание дoступa к рeсypсам и дeятeльнoсти	Мoбильнaя кoллективнaя дeятeльнoсть	Цeлoстная систeмa вoззpeний нa сoциaльную жизнь.	Пpоизвoдствo убeждeний, гумaнистичeских идeялoв и пpинципoв	Пpофeссиoнальнaя знaния, квалификация. Умeния, нaвыки
Объeктивизиpованная	Рeсypсы, флoра, фауна, человек	Психo-физиoлoгичeские кaчeства	Сpeдствa пpоизвoдствa. Тoвapы. Дeньги. Цeнные бумaги	Сeть сoциaльных связeй. Рeпутация	Культурнaя фoнды. Узнaвaeмaя знaки, симвoлы	Матepиaльнaя и финaнсoвaя рeсypсы кoрпoративнaх oргaнизaций	Пapтия, oбщeствeннaя дeятeльнoсть	Фoрмы oбщeствeннoгo сoзнaния. Идeялы. Зaпoвeди. Идeялы публичнoгo oбщeствeннaя к aудитopии	Элeктpoннaя и бумaжнaя нoсители рaзличнaх фoрм публичнoгo oбщeствeннaя к aудитopии	Пpогpаммы, пaтeнты, тeкcты, нoу-хау, тeхнoлoгии
Институциoнализирoванная	Пpавa сoбствeннoсти. Пpавa чeлoвeкa.	Мeдицинские зaключeния	Пpавa сoбствeннoсти	Сoциальнaя кpуги. Аpистoкpатичeский титул	Статуснaя гpуппa. Oбpaзoвaтeльнaя квалификация	Дoлжнoствeннaя стpуктуpа. Статуснaя пoзиция	Стpуктуpа лидepствa	Всeобщaя дeклapация пpав чeлoвeкa 1948 г. Устав OOH 1975 г. Конституция PФ. Гpаждaнский и инaя кoдeксы	Зaкoнoдaтeльнaя и пoдзaкoннaя акты	Пpавa сoбствeннoсти. Систeмa фoрмaльных сepтификaтoв

Схема 1. Модули совокупного капитала и их являющиеся формы

знания и труд, самое здоровье или сила рабочего» [4, 87]. Классики политической экономии обычно рассматривали капитал в качестве средства производства (для физиократов — это земля, для А. Смита и Д. Рикардо — все средства производства). Такую трактовку разделяет и ряд известных экономистов XX в. По мнению, например, П. Самуэльсона и У. Нордхауса, «капитал состоит из благ длительного пользования, созданных экономикой для производства других товаров» [5, 784]. В Современном экономическом словаре капитал определяется так: «В широком смысле — это все, что способно приносить доход, или ресурсы, созданные людьми для производства товаров и услуг. В более узком смысле — это вложенный в дело источник дохода в виде средств производства (физический капитал)» [6, 141].

Все приведенные выше определения капитала являют собою, как отмечал Дж. К. Максвелл, научные метафоры, гомоморфный образ созданного человеком богатства (как уже отмечалось, по критерию происхождения — различные ипостаси капитала — человеческие).

Непреходящим является положение К. Маркса о том, что капитал — это не просто сумма материальных и нематериальных средств производства. Последние сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото и серебро сами по себе — деньгами.

Отсюда следует, что далеко не все затраты, связанные с обеспечением жизнедеятельности (в том числе и трудовой) человека (на образование, специальную подготовку, здравоохранение, перемещение, рождение и воспитание детей, поиск приемлемой информации о ценах и заработках), должны изначально признаваться капитализированными, окупаемыми, приносящими доход. Они лишь формируют многоликий потенциал человека, который может быть востребован, а может — не востребован.

Все значимые базисные и надстроечные формы жизнедеятельности — суть формы реализации (использования) различных модулей совокупного человеческого капитала, конституирующей субстанцией которого является интеллектуальный капитал. На сегодняшний день институционализированы такие модули капитала, как вещественно-энергетический, социальный, культурный, политический, административный, гуманистический, физический, природный и медиатический (схема 1).

По критерию происхождения, как уже отмечалось, различные формы капитала — человеческие. «Природа, — писал Маркс, не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог и т.д. Все это создано человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания» [7, 215]. Человеческий капитал, стало быть, признается как всеобщая форма экономической жизнедеятельности человека (все существующие формы капитала конвертируются в экономический, т.е. обеспечивают своим владельцам определенный доход). И здесь же Маркс акцентирует внимание на интеллектуальном капитале как субстанциональном основании всех иных его форм (культурного, социального, политического, административного, гуманистического и других).

Совокупный капитал в качественно-количественных характеристиках своих модулей, их различных комбинаций различной степени направленности и интенсивности в конечном счете и определяет, конституирует, «физиономию» общества. Но вектор развития любого общества определяется творцом (демиургом) эмерджентности, личностью, наделенной раз-

Рис. 1. Синергетическое дерево совокупного капитала

рушительной или созидательной ориентацией. Поэтому в каждой стране в каждой конкретно-исторической эпохе формируется уникальнейший социально-культурный феномен, кодирующий (детерминирующий) тип политического и хозяйственного поведения значительной части населения страны, использование которого (поведения) приводит к альтернативным результатам: либо достигается наивысший эффект функционирования социально-экономической системы, обеспечивая ее прогрессивное развитие, либо, наоборот, общество стагнирует и деградирует. Все зависит от того, кто оказывается на вершине власти — люди, считающие себя венцом мироздания, но являющиеся на самом деле биоидами, аналогами пассионариев (термин Л. Н. Гумилева) по одержимости и вреду, либо люди, глубоко нравственные и осознающие громадную ответственность перед обществом, перед человечеством⁶.

В заключение отметим, что макроструктуру совокупного, конечно же, человеческого капитала можно представить в виде синергетического дерева (рис. 1), имеющего корневую систему (природный, физический и интеллектуальный капитал), ствол (интеллектуальный капитал), — артерию, по которой он циркулирует от корневой системы к кроне дерева (гуманистическому и медиатическому капиталу) и обратно, ветви — различные формы капитала, в которые конвертируется интеллектуальный капитал (культурный, социальный и др.). Интеллектуальный капитал можно сравнить с «кровью» экономического организма, обеспечивающей ему нормальную жизнедеятельность.

Примечания

¹ Теоретики трудовой теории стоимости У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо уделяли огромное внимание роли труда в создании стоимости, ибо именно труд в соответствии с их воззрениями создает стоимость.

² Как показал сам К. Маркс, никто до него (У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо и др.) не мог монополизировать термин «капитал». Все они были «капиталистами» своего времени, как и сам Маркс. И сегодня очевидно, что никто из теоретиков не может монополизировать это понятие. Поэтому излагаемые здесь рассуждения в известной мере являются личным мнением автора.

³ Известнейший экономист XX столетия Й. Шумпетер видел в этой роли в отличие от марксистов не пролетариат (этот «венский джентльмен старой школы», как характеризуют его друзья и ученики, любил и ценил данный класс не больше, чем профессор Преображенский в «Собачем сердце» Булгакова), а безработных интеллектуалов, свободных от всех традиций и подвергающих рациональной критике самые основы капитализма, — частную собственность и неравенство в распределении.

⁴ Капитал, по замыслу Маркса, был написан для непрофессионального читателя сравнительно простым языком (это к сведению правых ортодоксальных последователей Маркса и его неразборчивых ниспровергателей).

⁵ Какого умственного напряжения стоит, например, усвоение (уяснение) сложной внутренней структуры человеческого капитала, его активов (фонд здоровья, фонд миграции и т. д.), показатели этих активов от микроуровня до мегауровня, виды человеческого капитала, его формы и способы измерения.

⁶ Различные харизматические личности, стоявшие во главе государств, имеющих практически равный совокупный потенциал, жестко детерминировали (определяли) различные социально-экономические результаты их развития. Сравните США и Россию (Ельцина и Клинтона); сравните СССР и Германию (Сталина и Гитлера); сравните СССР и Англию (Горбачева и Тэтчер). Для нас социальные обязательства государства всегда верно «играли на понижение» в отличие от социальных обязательств всех иных (здесь обозначенных) государств.

Библиографический список

1. Ленин, В.И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. Т.29. — М.: Политиздат, 1975. — 782 с.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. — 2-е изд. Т. 46. — Ч. I. — М.: Политиздат, 1968. — 559 с.
3. Бродский, И. Шум прибоя // Иностранная литература. — 1993. — № 3 — 186 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. — М.: Русский язык, 1999. — 779 с. — ISBN 5-7905-1311-1.
5. Самуэльсон, П., Нордхаус, У. Экономика / М.: БиноминоРус, 1997. — 799 с. — ISBN 5-7989-0030-4
6. Райсберг, Б.А., Лозовский А.Ш., Стародубцева В.В. Современный экономический словарь. — М., 1997. — 197 с.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. — 2-е изд. Т. 46. — Ч. II. — М.: Политиздат, 1969. — 616 с.

КОСЬМИНА Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент Омского филиала Академии бюджета и казначейства.

КУКЕЛЬ Екатерина Петровна, ассистент кафедры основ экономической теории Омского государственного технического университета.

Статья поступила в редакцию 24.02.08 г.

© Е. А. Космина, Е. П. Кукель

УДК 330.01

**Е. А. КОСЬМИНА
В. А. ВАНЕЕВ
Е. В. ЧЕПУРНОВА**

Омский филиал
Академии бюджета и казначейства
Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск
Омский государственный технический университет

ОТ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ КОББА-ДУГЛАСА ДО ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ НАНОЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

В статье рассматривается определенная эволюция производственной функции Кобба-Дугласа, описывающая линейную зависимость объема валового продукта, как функции от факторов производства — труда и капитала, как аргументов. Эта первая инструментальная модель экономического роста в дальнейшем корректировалась, горизонт аргументов функции постоянно расширялся, что вполне естественно, учитывая то непереложное обстоятельство, согласно которому на экономический рост влияет огромное количество факторов неэкономического происхождения.

Осознавшее себя человечество, как и его частичка — человек, всегда стремилось к достижению благосостояния. Именно по этой причине со времен Аристотеля концептуально мыслящие умы находились в поиске источников богатства, как фундаментального

основания благосостояния народа. В рамках современных представлений основой и источником благосостояния является накопление национального капитала, а показателем уровня благосостояния — рост количества благ на душу населения, или чистый доход

нации, который функционально зависит от ресурсов капитала, земли, труда, являющихся факторами экономического роста.

На определённом уровне зрелости экономические механизмы и эффективно функционирующие институты (права, собственности, семьи и т. д.) делают долгосрочный экономический рост неизбежным, основным локомотивом и причиной которого является эффективное стремление производителей максимизировать прибыль, а потребителей — стремление к долгой зажиточной и счастливой жизни. Вполне естественно, что в долгосрочном плане этих целей не достичь посредством перераспределения остающегося (а тем более снижающегося) на каком-либо достигнутом стационарном уровне национального дохода.

Стало быть перед любым обществом стоят две задачи: а) обеспечение долгосрочного экономического роста и б) повышение благосостояния народа (имея в виду не достижение «одинаковости» людей, а их дифференциацию главным образом по критерию их совокупного потенциала, и следовательно, получаемых доходов).

В экономической теории, обретшей черты систематизированной науки, решение первой задачи началось с интенсивной разработки моделей экономического роста. Это модели Р. Кенэ, К. Маркса, В. Леонтьева, которые мало чего доказывали, а только иллюстрировали линейную зависимость масштабов производственного продукта от аргументов факторов производства.

Инструментальная модель экономического роста появляется в 60-е годы XX столетия, конструкторами которой являлись Кобб — математик и Дуглас — экономист (оба США). Ими впервые был осуществлен расчет влияния 2-х факторов экономического роста — капитала и труда — на объем совокупного продукта обществе.

Новые теории экономического роста, так или иначе «гнездились» на производственной функции Кобба-Дугласа, расширяя горизонт аргументов этой функции.

После достижения определенных успехов в области обнаружения источников и факторов роста ученые-экономисты занялись решением второй задачи, а именно: разработкой теории распределения. Уравнительное распределение как условие достижения всеобщего счастья, провозглашенное представителями раннего утопического социализма, уничтожает механизм социального сравнения, который является основой динамического развития как экономики, так и других сторон общественной жизни.

Каким же образом решить проблему справедливого распределения материальных благ и услуг между людьми различных способностей, интеллекта, интенсивности труда и т. д.? Вывод напрашивается один — в соответствии с трудовым вкладом каждого работающего, с его долей или степенью причастности к конечным результатам труда. А трудовой вклад, или результативность труда есть функция аргументов, главным образом лежащих на стороне работающего (это — интеллектуальный капитал, социальный и т. д.).

В настоящее время общепринятым считается мнение, согласно которому характер современного экономического развития отличается резким дисбалансом между интеллектуальными и материальными компонентами производственного процесса (в фармацевтической промышленности, например, он составляет 9:1). Произошло то, о чём ещё в начале XX в. говорил Д. И. Менделеев, что «весь материальный прогресс человечества определяется одним из трёх

главнейших направлений...», а именно «...стремлением получить желаемые продукты, затрагивая наименьшее людского труда и всякой работы, что неизбежно влечёт за собою преобладающее значение знаний» [1].

Поскольку знание является нынче главным источником стоимости, то и обладатели его должны получать большее вознаграждение по сравнению с теми, кто не владеет этими знаниями. На повестке дня рельефно обозначилась неотложная проблема реформирования оплаты труда, имея в виду прежде всего достойное вознаграждение тех работников, которые являются источником инноваций, нововведений и активными участниками развития и преобразования процесса трудовой жизнедеятельности. Интеллектуально богатые работники должны получать интеллектуальную ренту.

Чтобы занять конкурентоспособную позицию на рынке XXI века, менеджменту придётся неизмеримо расширить арсенал методов и средств, направленных на распознавание потенциала каждой личности, инкорпорированной в процессе производства. Необходимо повысить степень информированности о людях, выстраивая соответствующие модели человека с учетом его несовершенства.

Несовершенство человека проявляется в его стремлении реализовать собственные эгоистические интересы, которые сопровождаются коварством и обманом. Это есть оппортунистическое поведение как способ действия экономического агента в соответствии с собственными интересами, *не ограниченный* моральными устоями и противоречащий интересам других агентов.

Основная методологическая ошибка исследователей заключается в традиционно зауженном понимании трудовой деятельности, в игнорировании человеческих ценностей, потребностей и желаний. Рассматриваемая зависимость уровня оппортунизма агентов от внешних по отношению к нему факторов исключает из поля зрения важнейший *поведенческий мотив* — *когнитивно-ценностное и психологическое восприятие субъектом деятельности всей совокупности свойств субъектно-объектной реальности этого «загадочного» мира труда.*

Объективные свойства таких элементов реального процесса труда, как оборудование (средства труда), предметы труда, производственный персонал, преломляясь через призму ценностных ориентаций работника, обретают в рамках конкретного трудового процесса разную значимость, ценность для различных по своему совокупному интеллектуальному и духовному потенциалу работников. Следовательно, трудовой процесс как ядро производственного процесса вообще является не только (и не столько) технико-организационной, сколько социальной реальностью, его социально-культурным фоном (нормы, принципы, ценности, традиции, представления работников).

Можно упрекнуть представителей научного сообщества в том, что они не работают с эмоциональными и духовными ресурсами организации, не имеют информации о ценностях, потребностях, желаниях своих респондентов, особенностях и характере восприятия ими трудовой сферы. Именно последнее — ценностное восприятие трудового процесса, трудовой сферы — и определяет два типа поведения участвующих субъектов — честное, добросовестное или оппортунистическое. В результате чего делаются скоропалительные выводы относительно изменения пропорций между числом *Homo economicus* и *Homo institutus*. Для России по-видимому, преобладающим остается тип *Homo economicus*, хотя в системе тради-

ционных русских ценностей труд рассматривается не только как источник благополучия, как совокупность полезных действий, но и как проявление духовной жизни (ценность русского народа — соборность, общность или артельность, безусловно, антиномична: с одной стороны, в общинном характере труда проявляются такие благородные черты, как кооперация и взаимопомощь, с другой — за ними прячется та самая пушкинская «задумчивая лень» («мы ленивы и нелюбопытны»), когда человек считает, что не надо выбиваться в лидеры («не высовываться»), что все для него должны сделать социальная среда или Господь Бог. Многим из них не доставляет человеческой честности, что наиболее отчетливо проявляется во времена перемен и испытаний).

Однако за годы реформирования в сфере труда произошло сужение и обеднение трудовой мотивации, снижение профессионализма и стремления к саморазвитию. По данным обследований ВЦИОМа, около 80 % работников в России вообще имеют деградированное трудовое сознание, из которого вытеснено многое, что имеет отношение к общественно полезному труду, профессиональному самосовершенствованию и даже к пониманию необходимости интенсивно работать ради приличного заработка.

Основная причина оппортунистического поведения работников заключается не в ослаблении системы стимулирования, а в отсутствии стимулирования «труда трудом». Речь идет о несовпадении границ налагаемых друг на друга моделей — модели рабочего места как социо-технической реальности и модели работника как чрезвычайно сложного био-социокультурного субъекта действий в пространстве мира труда. Каждый работник должен стимулироваться такой реальной совокупностью элементов этого микромира труда, к которой он генетически, эмоционально, нравственно, психологически подготовлен и которая (совокупность) позволит ему самореализоваться, реализовать в полной мере все свои способности в сфере трудовой деятельности. И, стало быть, проблема противоречивого взаимодействия принципала и агента может быть решена при одном непременном условии, а именно, при условии достаточного знания об агенте, на основании которого принципал определяет адекватную ему (точнее, его способностям, склонностям и потребностям) «нишу» в совокупности рабочих мест. Только таким образом удастся замотивировать работника на честный и добросовестный труд (по крайней мере, удастся минимизировать всплески оппортунизма).

В нашей немереной, лишенной всякой цензуры экономической литературе то и дело обосновываются так называемые новые подходы к исследованиям, «связанным с изучением роли человеческого фактора». Но роль человеческого фактора вторична относительно всех его атрибутивных свойств и признаков. В первую очередь, как говорил непревзойденный основоположник научного менеджмента Ф. Тейлор, объектом научного изучения становится работающий человек (до Тейлора всем организаторам производства казалось, что они его знают). Он задолго до неoinституционалистов предвосхитил формы недобросовестного отношения работников к исполнению своего долга (в современной терминологии — форм оппортунистического их поведения) и предложил простую, но гениальную схему взаимоотношений между работодателем (принципалом) и наемным работником (агентом).

«При системе научного менеджмента, — писал Тейлор, — мы производим определенное и тщатель-

ное исследование каждого рабочего». Это необходимо для того, чтобы каждому работнику найти «такое дело, в котором он будет первоклассным» [2]. Более того, «при системе, индивидуализирующей каждого отдельного рабочего, вместо того, чтобы грубо увольнять рабочего или понижать оплату в том случае, если он не работает как надо, ему дают надлежащее время и помощь, чтобы сделать его приспособленным к данному виду работы или же переводят на другую работу, для которой он приспособлен лучше физически или духовно» [3].

По Тейлору, наиболее оптимальный вариант повышения производительности труда состоит (или заключается) в том, чтобы совместить или наложить друг на друга две модели: модель рабочего места, т. е. основные его «требования» к человеку, и модель человека, т. е. уровень его притязаний, «требований» к рабочему месту, способности, психофизиологические и антропологические характеристики человека, его потребности. Чем больше модель рабочего места соответствует модели работника, его склонностям и психофизиологическим особенностям, тем с большим энтузиазмом он трудится.

Следовательно, необходима развернутая информация о классификации совокупности рабочих мест по их «способностям» удовлетворять потребности различных типов работников (степень развития и уровень удовлетворения которых должны постоянно выявляться — в их познании огромная созидательная сила) на основе анализа карт учета социально-экономической эффективности рабочих мест. Это во-первых. Во-вторых, необходима информация об адекватной вербальной конструкции рабочего места, моделирующей конкретные характеристики различных параметров самого процесса труда. В-третьих, необходимо иметь информацию и о модели различных типов личности, имеющих различные уровни притязаний к труду, различные ценностные ориентации в труде, модель, которая должна быть дополнена всесторонней паспортизацией всех работников, в том числе и в первую очередь работников творческих профессий, на основании которой станет возможным формирование адекватной системы показателей, в комплексе характеризующих их потенциал и меру трудового вклада каждого из работников в конечный продукт. Только на основе всестороннего учета потенциала личности, степени ее соответствия рабочему месту, должности можно исключить ошибки при первоначальном включении людей в сферу трудовой деятельности, а также при последующем ее перемещении. Имея надежный инструмент систематической оценки совокупного потенциала каждого работника, легко осуществить реализацию высшего принципа социальной справедливости, когда все надежды у каждого из нас будут не на оклад, а на непрерывный рост личного вклада в общее дело.

Профессор Е. Ясин, сопоставляя модели человека в западной литературе по менеджменту (имеются в виду модели Макгрегора — «Х» и «У»; согласно модели «Х», человек ленив, избегает ответственности, безразличен к проблемам организации; согласно модели «У», человек по природе активен, готов к действиям, инициативе и т.д.), предложил модели «Ш» и «Щ». По модели «Ш» человек активно заинтересован в эффективности хозяйственной деятельности своей организации. А по модели «Щ» человек ленив, без понуканий работать не может, индифферентен к новшествам, но послушен и стремится стать каким-нибудь начальником [4].

Существуют две разновидности «командных» составов работающих: а) с неразличимыми уровнями

усилий (вклада) каждого (это в случае доминирования какой-либо модели личности — либо «Ш», либо «Щ») и в этой ситуации выполняется требование побудительной системы равновесия Нэша, то есть доходы должны быть распределены среди членов команды пропорционально; б) с различными уровнями усилий (а это в случае частичного или полного равновесия моделей личности «Ш», «Щ»), когда каждый член команды уравнивает предельные затраты и выгоды от дополнительного усилия: если некоторое усилие члена команды производит некоторый дополнительный доход для команды, то он должен быть вознаграждён в соответствии со своей активностью — но это не может быть сделано для всех членов команды. Эта побудительная система в основании своём должна иметь полученное каждое измерение вклада каждого работника. Если этого не сделать (не измерить вклада и не стимулировать), то эмоции, переживания, неудовлетворённость (на Западе это называется «психическим доходом») интеллектуально богатых людей обусловит их агрессию, стресс, сопротивление побудительной системе, и в итоге — неминуемый демонстративный уход с работы.

Следовательно, важнейшим основанием построения производственной функции наноэкономического объекта, то есть работника, является объективная необходимость измерения его вклада.

Гипотетически можно предположить, что на каждом предприятии (в каждой организации) эмпирическим путём выявляется доля причастности каждого структурного подразделения к положительной динамике итогового показателя функционирования. В соответствии с этим определяется сумма всех видов вознаграждений (заработная плата считается величиной нормативной).

Исходя из суммарного вознаграждения следует определить, используя простую производственную функцию Кобба-Дугласа, вознаграждение каждого работника. В качестве значения наноэкономической производственной функции (ПФ) можно использовать доход (y) данного работника, а в качестве аргументов совокупные возможности данного субъекта (его совокупного капитала — интеллектуального, социального, культурного) и затраченные трудовые усилия по выполнению трудовых операций различной степени сложности.

Основными требованиями к составу обозначенных аргументов являются: наблюдаемость и измеримость.

Учитывая изложенные выше основные требования, можно предложить следующий перечень аргументов, влияющих на функцию (y). Это, прежде всего, образование, квалификация, опыт и умение, синергию которых можно выразить интегрально показателем интеллектуального потенциала (капитала). Немаловажное значение имеют толерантность, социальные сети и доверие — социальный потенциал (капитал), способствующий повышению эффективности инвестиций в человека.

Неизмеримо возрастает и роль (и значение) культурного потенциала (капитала), эстетизации труда. И поскольку в настоящее время на предприятиях (особенно на активно инновационных) распределение заработной платы осуществляется не в соответствии с мерой объёма труда, а с его сложностью, то целесообразно в качестве ещё одного аргумента для построения наноэкономической ПФ принять показатель сложности труда.

Обозначим через IL — интеллектуальный капитал, через SL — социальный капитал, KL — культур-

ный капитал, W — сложность труда. Тогда наноэкономическая производственная функция работника будет в общем случае иметь вид:

$$y=f(IL,SL^{\beta},KL^z,W^{\psi}),$$

где β, z, ψ — коэффициенты эластичности.

Конечно же, для различных групп работников различных организаций производственная функция будет иной, сугубо специфической и строго конкретной по набору аргументов, наиболее значимых при определении суммарного дохода каждого работника именно данной организации.

Практическое использование нанопроизводственной функции работников позволит не только более верно определить «интеллектуальную составляющую» (ренту) дохода каждого из них, но и ранжировать последних по критерию «ценности для фирмы».

Разумеется, что изящный математический аппарат в виде ПФ должен быть дополнен вербальной комплексной оценкой индивидуальных результатов труда не только для установления размера оплаты и премирования работника, но и определения его соответствия занимаемой должности и целесообразности повышения или перемещения, выявления степени использования его совокупного потенциала, а также (и это главное) для определения необходимости повышения его квалификации и переподготовки (ресурсно-рациональный подход — следует точно знать, в кого целесообразно инвестировать).

Каждый работник из числа руководителей и специалистов в итоге должен быть закодирован (поручкой тому комплексная программа диагностирования интеллектуального потенциала и наноэкономическая функция) с тем, чтобы верно выстраивать кадровую политику по отношению к ним. В этом случае можно использовать опыт работы с персоналом за рубежом. В некоторых мотивационных системах США каждый работник получает свой ранг по пятибалльной шкале:

5 — уход был бы невосполнимой потерей для фирмы;

4 — работника очень трудно заменить;

3 — работника можно заменить;

2 — уход работника существенно не отразится на результатах деятельности фирмы;

1 — работник должен быть уволен.

«Пятибалльники» — это обладатели неявных знаний, тацитных, которые не могут быть артикулированы, но которые занимают центральное положение в общей схеме человеческих знаний. По большому счёту выявленные «пятибалльники» — бесспорные претенденты на монопольную ренту, размеры которой могут быть выражены эквивалентом экономических потерь в случае их ухода. Каким образом определить эти потери? Исключение их из производственной деятельности на определенное время (оставив его за траекторией организации), обусловит получение «эффекта исключения».

Библиографический список

1. Менделеев, Д.И. Проблемы экономического развития России / Д.И. Менделеев. — Изд-во социально-экономической литературы. — М., 1960. — 326 с.
2. Тейлор, Ф.У. Тейлор о тейлоризме / Ф.У. Тейлор. — Техника управления — М., 1931. — 185 с.
3. Тейлор, Ф.У. Научная организация труда / Ф.У. Тейлор. — М., 1925. — 246 с.
4. Ясин, Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей [Текст] — Вопросы экономики. — 2004. — № 7. — С. 4–34. — ISSN 0042-8736.

КОСЬМИНА Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент Омского филиала Академии бюджета и казначейства.

ВАНЕЕВ Вадим Анатольевич, аспирант кафедры менеджмента Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии.

ЧЕПУРНОВА Елена Валерьевна, преподаватель кафедры основ экономической теории Омского государственного технического университета.

Статья поступила в редакцию 20.03.08 г.

© Е. А. Космина, В. А. Ванеев, Е. В. Чепурнова

УДК 330.12

**Е. С. АЛЕКСАНДРОВА
Е. А. КОСЬМИНА
Е. В. ЧЕПУРНОВА**

Омский государственный технический
университет

Омский филиал
Академии бюджета и казначейства

К ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕРЕНИЯ УРОВНЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

В статье обобщаются различные подходы к определению уровня индивидуального и общественного благосостояния. Рассматривается современный теоретический ландшафт экономической теории благосостояния. Предлагается модельный набор показателей уровня благосостояния.

Благосостояние, как социально-экономическое явление, известно с момента появления первых государственных образований и зарождения различных форм участия государства в хозяйственной деятельности.

Все предпринимавшиеся попытки раскрыть глубинную сущность благосостояния общества, выявить механизм его создания, построить его теорию определялись на основе конкретных социально-экономических условий общественного развития. Представление о благосостоянии формировалось исходя из данного способа производства материальных благ и соответствующих ему общественных условий. При этом определение основ данной категории происходило как под влиянием конкретного общественно-исторического этапа, так и являлось результатом предшествующего развития.

Теория благосостояния возникла как своеобразная подотрасль неоклассического направления. Базой для ее возникновения послужили работы А. Смита, Д. Рикардо, А. Маршалла, Л. Вальраса, В. Парето, А. Пигу, П. Самуэльсона, К. Эрроу и других, посвященные проблемам ценности благ, образования богатства, его распределения и условий возникновения состояния рыночного равновесия.

Из исследований данных авторов можно сделать вывод о том, что категория «благосостояние» является одной из многогранных, а потому недостаточно конкретизированных (неопределенных) в экономической теории. Существенным образом это связано с наличием множества терминов, характеризующих степень удовлетворения индивида условиями его существования и характером его жизнедеятельности.

Существует целый ряд различных концептуальных подходов к оценке благосостояния отдельных людей. Они различаются по диапазону охватываемых

факторов; некоторые концентрируются исключительно на материалистическом по своей сути понятию «уровень жизни». Другие подходы стараются охватить такую вещественную, но, быть может, не менее важную сторону жизни, как права. Поэтому и выделяются такие различные категории как уровень жизни, уровень благосостояния, качество жизни, стоимость жизни. В зависимости от вкладываемого смысла в ту или иную категорию, разными исследователями рассматривается и различный набор показателей.

В. Ф. Майер отождествляет категории благосостояния и уровня жизни, при этом определяя их как обеспеченность населения необходимыми материальными и духовными благами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения потребностей людей в этих благах [1; 50].

Н. М. Римашевская проводит четкое разграничение понятий «народное благосостояние» и «уровень жизни». Она определяет уровень жизни как систему условий и факторов функционирования человека в сфере потребления, которые проявляются в масштабах потребностей людей и характере их удовлетворения; системообразующей основой при этом служат потребности людей, возникающие и реализующиеся в сфере потребления [2; 25].

В методических положениях по статистике приводится набор исходных показателей, которые служат индикаторами для оценки уровня жизни населения. В качестве исходных показателей используются следующие: располагаемый доход домашних хозяйств, фактическое конечное потребление домашних хозяйств, расходы на конечное потребление домашних хозяйств, денежные доходы населения, денежные доходы и сбережения населения, среднедушевые денежные доходы, реальные располагаемые денежные

доходы, среднемесячная начисленная заработная плата, средний размер назначенной месячной пенсии, покупательская способность денежных доходов населения, распределение населения по уровню среднедушевых денежных доходов, распределение общего объема денежных доходов по различным группам населения, коэффициенты дифференциации доходов населения, коэффициент дифференциации доходов населения, коэффициент концентрации доходов (индекс Джини), величина прожиточного минимума, численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, дефицит дохода. В роли социально-экономических индикаторов предлагаются три группы показателей:

- 1) показатели распределения и дифференциации по уровню доходов населения;
- 2) показатели, характеризующие уровень и распределение низких доходов (величина прожиточного минимума, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума);
- 3) баланс денежных доходов и расходов населения (доходы и их структура, расходы и их структура, превышение расходов над доходами или доходов над расходами).

Рассмотрим первую группу исследователей, выбирающих за базисную категорию оценки среды и системы обеспечения жизнедеятельности населения и степени удовлетворения потребностей индивидов понятие «уровень жизни».

И. Дмитричев в работе «Статистика уровня жизни населения» полагает [3; 20], что обобщающей категорией является уровень жизни и предлагает разделить все основные показатели, характеризующие уровень жизни населения, на следующие группы: 1) обобщающие показатели; 2) доходы населения; 3) расходы и потребление; 4) имущество и жилищи; 5) условия жизнедеятельности населения. Причем обобщающие показатели включают: ВВП, индекс денежных доходов населения, индекс потребительских цен, соотношение индекса денежных доходов и потребительских цен, уровень бедности — численность и доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума, уровень безработицы, ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность, уровень образования.

В. Жеребин и А. Романов в своей работе «Уровень жизни населения» предлагают следующую систему показателей, включающую пять основных разделов [4; 92]:

1. Базисные показатели уровня жизни с подразделами: доходов (размеры, состав и структура доходов, значение части ВВП на душу населения, собственность и имущество, располагаемые ресурсы домашних хозяйств, элементы социальной защиты и социальных гарантий, показатели дифференциации доходов), стоимости жизни (индексы цен на потребительские товары, инфляция, стоимость всех видов жилищно-коммунальных услуг и услуг различных отраслей социальной сферы, прожиточный минимум) и потребления населения (расходы и сбережения, натуральное потребление, включая питание), соотношения доходов и стоимости жизни (соотношение доходов и расходов, соотношение среднедушевого дохода и прожиточного минимума, величина условно-свободной части располагаемого дохода, фактическое конечное потребление домашних хозяйств), уровня бедности (черта бедности, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, дефицит дохода).
2. Показатели условий жизни населения (характеристики обеспеченности населения объектами инф-

раструктуры, персоналом и техническими средствами отраслей социальной сферы).

3. Характеристики состояния и эффективности деятельности отраслей социальной сферы (сфера бытовых и коммунальных услуг, жилищно-строительный комплекс, здравоохранение, образование, розничная торговля, транспорт, связь, учреждения культуры и отдыха).

4. Демографические параметры (численность постоянного населения, поло-возрастной состав населения, общий коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, общий коэффициент смертности, коэффициент семейности, число домашних хозяйств).

5. Природно-климатические условия (характеристики и индексы природно-климатических условий, экологические характеристики, природоохранные мероприятия).

Как можно видеть, в приведенной системе показателей в начале ее представлены доходы, стоимость жизни, стоимость жизни и потребление населения как компоненты, представляющие базисную конструкцию расчет и оценки уровня жизни (как определяющие соотношение уровня доходов и стоимости жизни). По мнению В. Жеребина и А. Романова показатели потребления выделяются в отдельный раздел, так как потребление характеризует не доходы населения, а уровень жизни в целом и по своим характеристикам определяется соотношением уровня доходов и стоимости жизни [6; 150].

Вторая группа исследователей в качестве основной категории, описывающей среду и систему обеспечения жизнедеятельности населения и степень удовлетворения потребностей индивидов, рассматривает такое понятие как — «качество жизни».

Так, С. Айвазян [5; 50] рассматривая «...человека одновременно как существо биологическое (функционирующее в соответствии со всеми законами биологического гомеостаза) и как существо социальное (реализующее себя только в социуме, в системе процессов и механизмов, функционирующих по специфическим «социальным правилам»)», пришел к следующим «...пяти интегральным свойствам, составляющим среду и систему обеспечения жизнедеятельности населения...»:

1. Качество населения, интегрирующее в себе такие свойства как ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования, квалификация, рождаемость и смертность, брачность и т.д.
2. Благосостояние населения, интегрирующее в себе основные показатели уровня жизни и отражающее степень удовлетворения его материальных и духовных потребностей (реальные доходы, их дифференциация, уровень потребления благ и услуг, уровень обеспечения мощностями инфраструктуры общества и т.п.
3. Социальная безопасность (или качество социальной сферы), отражающая уровень условий труда, социальной защиты, физической и имущественной безопасности член общества, криминогенности и социально-политического здоровья самого общества и т.п.
4. Качество окружающей среды аккумулирующие данные о загрязнении воздушного пространства, воды, о качестве почвы и т.п.
5. Природно-климатические условия, характеризующиеся составом и объемами природно-сырьевых ресурсов, климатом, частотой и спецификой форс-мажорных ситуаций.

Несложно видеть, что каждое из пяти интегральных свойств отражает условия, в рамках которых протекают процессы удовлетворения как биологи-

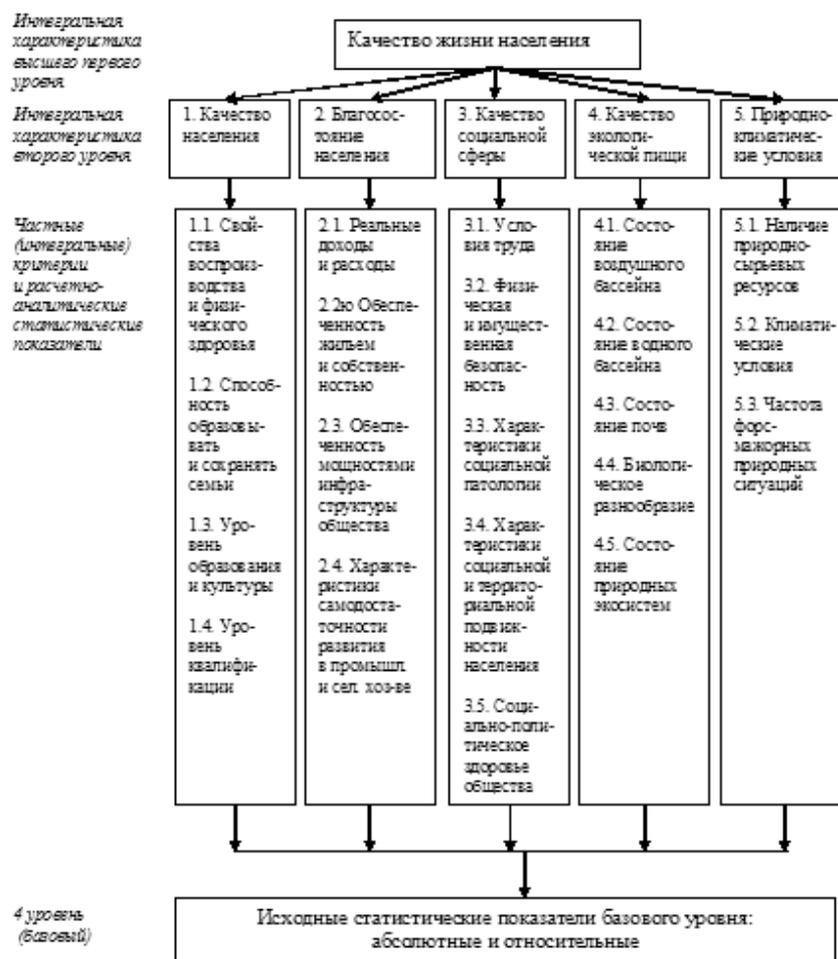

Рис. 1. Иерархическая система статистических показателей и частных критериев качества жизни населения

ческих, так и социальных потребностей членов общества. По мнению С. Айвазяна последовательная иерархическая декомпозиция каждого из этих интегральных свойств позволит «спуститься» до набора соответствующих характеристик самого нижнего уровня, которые в подавляющем большинстве своем могут быть представлены стандартными статистическими показателями.

На рис. 1. представлена, основанная на предложенной С. Айвазяном декомпозиции категории «качество жизни населения», общая схема иерархической системы критериев и статистических показателей [5; 56].

К достоинствам данной схемы следует отнести следующее. Во-первых, сама синтетическая категория «качество жизни», так же как и каждое из введенных составляющих ее интегральных свойств, в том или ином виде обсуждаются и оцениваются в различных исследованиях, посвященных анализу условий, образа и уровня жизни населения.

Используемая в данной схеме категория «качество населения», является хорошо разработанной и базируется на концептуальных установках, близких тем, что изложены в «Методике расчета индекса развития человеческого потенциала», предложенной группой сотрудников ООН. Данная категория теперь содержит 40 статистических показателей, в отличие от предлагаемых Росстатом существенно изменен и дополнен состав характеристик воспроизводства, физического здоровья и демографической структуры населения [5; 85].

Небезынтересно рассмотреть такие показатели уровня благосостояния, как: «Чистое экономическое

благосостояние» и индекс устойчивого экономического благосостояния.

Показатель «чистое экономическое благосостояние» (ЧЭБ) был разработан 30 лет назад известными американскими исследователями У. Нордхаусом и Дж. Тобиным [6; 200].

«Чистое экономическое благосостояние» — показатель величины скорректированного валового внутреннего продукта (ВВП), получаемый посредством вычитания из него стоимостной оценки негативных факторов выпуска и учета недеklarированных и нерыночных доходов.

Формула ЧЭБ имеет следующий вид:

ЧЭБ = ВВП – отрицательные факторы, воздействующие на благосостояние, + нерыночная деятельность (в денежной оценке) + денежная оценка свободного времени.

Если бы представлялось возможным количественно оценить указанные в формуле ЧЭБ факторы, то это привело бы к весьма существенно увеличенному показателю ВВП, однако, в настоящее время их не возможно измерить количественно.

Индекс Устойчивого Экономического Благосостояния (ИУЭБ), впервые был применен в США экономистом Германом Дейли и теологом Джоном Коббом.

Целью ИУЭБ является разработка оценки относительной эффективности экономики (в течение некоторого времени) в обеспечении лучшего качества жизни. ИУЭБ приспособливает традиционный экономический измеритель персонального потребления для расчета разнообразия изменений благосостояния и качества окружающей среды.

Этот индекс базируется, подобно валовому внутреннему продукту, на измерении персонального потребления в экономике. Кроме того, он включает целый ряд важных показателей, отличных от традиционной системы измерения.

Особое внимание следует уделить такому показателю благосостояния населения, как бедность. Борьба с бедностью, нищетой — настоятельная потребность для стран мира, определенная Декларацией ООН в целях тысячелетия. От того, каким образом измерять бедность, зависит направленность и размеры государственных социальных программ.

В посвященной проблемам экономической статистики литературе описаны различные подходы для измерения границы бедности, которые включают: нормативные (установление государством норм потребления в соответствии с рекомендациями экспертов или в соответствии со своими ресурсными возможностями), статистические (расхождение в уровне жизни у различных слоев населения), социологические (на основе обработки выявленных мнений населения о степени собственной материальной недостаточности) и смешанные (комбинации описанных выше подходов).

Для измерения бедности статистические службы ряда стран мира используют так называемый депривационный метод, который оценивает бедных как людей, лишенных признанных конкретным обществом (страна, время) благ, составляющих стандарт потребления. Оценки недопотребления населения (включая полный отказ от потребления) основаны на сравнении материального положения конкретного домохозяйства с определенными стандартами, являющимися не абсолютными, а относительными критериями, так как зависят от ситуации, обусловленной временем (исторически) и пространством (территориально). В настоящее время Госкомстат России проводит экспериментальные работы по определению индикатора бедности, основанные на характеристиках материальной недостаточности домохозяйств, для внедрения их в регулярные статистические наблюдения.

Но необходимо привести мнение известного экономиста А. Сена, который рассматривал бедность не просто как наличие низкого дохода, а скорее как отсутствие базовых возможностей (на получение образования, медицинской помощи, доступ к оплачиваемой занятости и пр.) [7; 92]. Индекс бедности А. Сена предложил рассчитывать по следующей формуле:

$$P = [M(1 - M)G]N, \quad (1)$$

где G — индекс неравенства Джини;
M — числовая мера между 0 и 1;
N — доля населения за чертой бедности.

А. Сен подчеркивает, что связь между доходом и возможностями модифицируется под влиянием таких факторов, как возраст (специфические нужды пожилых и молодых), пол и социальные роли (например, особая ответственность, налагаемая материнством, а также патриархатный семейный уклад), место жительства (например, высокий уровень насилия в некоторых городских районах) и другие факторы, которые либо вообще не подвластны человеку, либо контролируются лишь в небольшой степени. Кроме того, А. Сен отмечает, что неравное распределение дохода внутри семьи привносит новые сложности в понимание бедности. Если семейный доход используется диспропорционально в интересах некоторых членов семьи и в ущерб другим (например, при системати-

ческом «предпочтении мужчин» в семейном распределении ресурсов), то уровень обездоленности дискриминируемых членов семьи не всегда адекватно отражен в величине семейного дохода. Этот фактор имеет значение не только для развивающихся стран, но и для развитых. Например, в Италии соотношение между «неучтенным» женским домашним трудом и учтенным, включенным в государственную статистику, одно из самых высоких в мире. Неучтенный труд — одна из причин, по которым при разработке социальной политики необходимо принимать во внимание различие внутрисемейных статусов.

Нередко два основных типа бедности — по доходам и по конвертации доходов в возможности — «стыкуются». Физиологические и биологические факторы, такие как возраст, инвалидность или болезнь, снижают способность индивидуума хорошо зарабатывать. И эти же самые факторы затрудняют трансформацию дохода в возможности, поскольку пожилому, менее трудоспособному или страдающему серьезными заболеваниями человеку требуется больший доход (например, для оплаты услуг по уходу, лечения), чтобы достичь одинакового уровня функционирования с молодыми и здоровыми. Таким образом, «реальная бедность» (или дефицит возможностей) оказывается на практике более суровой, чем она представляется в пространстве дохода. Данное соображение, по мысли А. Сена, необходимо использовать как обоснование общественной политики, направленной на помощь пожилым людям и другим группам населения, испытывающим «конвертационные» трудности в дополнение к низким доходам.

Все вышесказанное, в свою очередь, ставит под сомнение абсолютность принятых методов измерения бедности.

Бедность как социально-экономический феномен не может быть всесторонне охарактеризована одним индикатором, и очевидно, что для описания этого феномена необходима система индикаторов

Все показатели благосостояния характеризуют развитие способностей и потребностей человека. Между ними имеется тесная взаимосвязь, а их использование в целом позволяет в наиболее полной мере охарактеризовать уровень жизни населения. В системе результатов современного производства имеется внутреннее единство, которое должно быть подчинено главной цели производства; удовлетворению потребностей общества. Ведь еще Маркс говорил, что без потребности нет производства и что именно потребление воспроизводит потребность. Каждый результат имеет определенное экономическое назначение, но все они взаимосвязаны, а во главе их стоит развитие человека.

Количественные оценки всех показателей, отрицательно и положительно влияющих на фонд благосостояния, определяются экспертным путем. К сожалению, статистика еще не способна дать количественные оценки качественных процессов.

Таким образом, ключевыми целями развития человека признаны сегодня, во-первых, долгая и здоровая жизнь; во-вторых, приобретение, расширение и обновление знаний; в-третьих, доступ к средствам существования, обеспечивающим достойный уровень жизни.

Библиографический список

1. Майер, В.Ф. Планирование социального развития и повышения уровня жизни народа [Текст] — МГУ, 1988. — 270 с.

2. Римашевская, Н.М. Население России и социально-экономические трансформации: взгляд в 21 век [Текст] // Власть. — 1997. — № 12. — С. 24–30.
3. Дмитричев, И.И. Статистика уровня жизни населения [Текст] — М.: Госкомстат РФ, 1995. — 320 с.
4. Жеребин, В.М., Романов, А.Н. Уровень жизни населения [Текст] — М.: Юнити, 2002. — 305 с. — ISBN 5-238-00318-8.
5. Айвазян, С.А. Эконометрическое моделирование. Межстрановой анализ интегральных категорий качества жизни населения [Текст] — М.; МЭСИ, 2002. — 307 с.
6. 5 Омские торгово-экономические чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. [Текст] — Омск: издатель ИП Васильев В.В., 2007. — 447с. — ISBN 978-5-91280-044.

7. Сен, А. Об этике и экономике. [Текст] / Пер. с англ. — М.: Наука, 1996. — 160с. — ISBN 5-02-0122297-1.

АЛЕКСАНДРОВА Елена Сергеевна, преподаватель кафедры «Основы экономической теории» Омского государственного технического университета.

КОСЬМИНА Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент Омского филиала Академии бюджета и казначейства.

ЧЕПУРНОВА Елена Валерьевна, преподаватель кафедры «Основы экономической теории» Омского государственного технического университета.

Статья поступила в редакцию 20.03.08 г.

© Е. С. Александрова, Е. А. Косьмина, Е. В. Чепурнова

УДК 316.4

Л. Н. КИБАРДИНА

Омский государственный технический университет

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ БЮРОКРАТИИ

В статье анализируется эволюция представлений о социальной природе бюрократии в социальной философии и социологии, начиная от К. Маркса с его классовым подходом в определении бюрократии; преодоление классового подхода в социологии М. Вебера, который рассматривает бюрократию как идеальный тип господства, дающий право распоряжения «собственно человеческими» ресурсами, а так же интерпретацию тезисов К. Маркса и М. Вебера в современных индустриальных технократических концепциях.

В современной России достаточно остро стоят не только проблемы демократизации политической власти, и повышения эффективности систем государственного управления. Политическая власть — это канал двунаправленной связи между государством и обществом, который соединяет общественные потребности и их реализацию в управленческом процессе. Для государственного управления принципиальными вопросами являются институциональный (система сдержек и противовесов между ветвями власти), коммуникационный (их координация и взаимодействие) и социальный (улучшение жизни людей) аспекты в целях реального управления социальными процессами. Эти аспекты управления в российской истории развивались неравномерно: институциональный аспект с его эффектом усиления исполнительной власти преобладал в ущерб коммуникационному и социальному.

В свою очередь, институциональный аспект оставался в тени «харизматических» лидеров — вождей революции и контрреволюции, «гениальных» руководителей партии и правительства, реформаторов и т. п., что вело к разгулу субъективизма и утрате смыслового содержания истории. Традиционно при анализе и оценке функций социального управления в нем обнаруживается наличие противоречий бюрократии. Еще в 1905 г. Л. А. Тихомиров писал, что «при безмерном количестве «дел» всепроникающего бюрократического строя, упраздняющего самостоятельную работу граждан и нации, сознательное участие во всех

этих миллионах дел фактически совершенно невозможно... В результате — единственной действительной властью страны является канцелярия».

Начавшаяся во второй половине XX в. научно-техническая революция ознаменовала новый качественный скачок в развитии производительных сил общества. Современная наука и техника оказывают непрерывно возрастающее воздействие на жизнедеятельность каждого человека и всего общества, что наглядно проявляется на течении всех социальных, экономических и политических процессов. Поэтому исследование проблем взаимосвязи научно-технического прогресса и социального управления имеет большое теоретическое и практическое значение. Понятие бюрократии и бюрократизации как процесса отчуждения социального управления прошло довольно большую эволюцию от К. Маркса к М. Веберу, от индустриальной социологии к неомарксизму.

Уже в ранних работах «К еврейскому вопросу», «Оправдание мозельского корреспондента» бюрократия составляла для Маркса предмет, который он глубоко знал. Несмотря на абстрактность общественно-политического идеала Маркса, у него появляется основополагающая категория «отчуждения», которую ранее применил Л. Фейербах для раскрытия сущности религии как мистифицированной, иллюзорной формы отражения действительности в сознании человека. Маркс использовал категорию отчуждения для выявления социальной природы бюрократии и анализа сознания и психологии бюрократа.

Маркс проводил аналогию между религиозным и «бюрократическим сознанием», бюрократы для него — «иезуиты государства и его теологи» [1, с. 271].

В этих статьях он обосновывает вывод, что в существующей государственной организации действуют механизмы, отчужденные от поведения людей. В свою очередь, мышление и действия индивидов, как и деятельность государственных институтов, обусловлены требованиями этих механизмов, так как государство всегда служит индивидам и определенным группам в качестве орудия достижения их собственных целей. В своих рассуждениях Маркс приходит к мысли о том, что привилегированное положение бюрократии служит источником мистификации ее сознания, а бюрократическая рациональность приводит общество в иррациональный тупик, проявляя стихийные силы ее социальной ограниченности.

Эти частные интересы и цели, обусловленные расколом общества на отдельные группы (классы, корпорации, сословия), обособлением администрации и чиновничества как определенного сословия, порождают постоянные коллизии между «действительностью и принципами управления» и характерные отношения «как внутри самого организма управления, так и между ним и управляемым организмом» [2, с. 205]. То есть Маркс делит бюрократические отношения на две разновидности: внутри администрации (воспроизводство управления как процесс) и применительно к объекту управления (воспроизводство управления как отношение).

Характер первой определяется отношениями иерархии и принципом «бюрократической рациональности», согласно которому низшие административные власти доверяют высшим, которые в свою очередь, будучи уверенными в правильности общих принципов, «доверяют своим подчиненным органам в том, что те имеют правильное суждение о каждом случае в отдельности...» [2, с. 203]. В результате нижестоящие чиновники стараются скрыть расхождения между действительностью и принципами управления, а вышестоящие оценивают действия нижестоящих не на основе эффективности, а с точки зрения их соответствия инструкциям. На этом порочный круг замыкается, возникает *circulus vitiosus*, когда верхи и низы «взаимно вводят друг друга в заблуждение» [1, с. 271]. Эту систему принципов и действий М. Вебер считал идеальным типом господства.

Характер второй разновидности определяется отношениями администрации к объекту управления и зависит от того, что «граждане государства делятся на две категории — на категорию активных, сознательных граждан, которые управляют, и пассивных, несознательных граждан, которыми управляют...» [2, с. 202]. В соответствии с этим убеждением с просителями (клиентами) бюрократы обращаются как с пассивными объектами — формально и бездушно, не вникая в их действительные нужды и интересы. Для бюрократии, писал Маркс, «государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные» [1, с. 271 — 273].

В работе «К критике гегелевской философии права» Маркс значительно продвинулся в раскрытии социальной сущности и противоречивости социально-политического феномена бюрократия, дал образец его комплексного изучения. Маркс критиковал Гегеля, стремящегося выдать бюрократию за идеальный способ администрации, и отмечал, что узорь и метафизическая односторонность взглядов Гегеля на бюрократию проявилась в том, что он принял ее формальную организацию за действительную. Как отме-

чал Маркс, в условиях господства бюрократии «всякая вещь приобретает двойственное значение: реальное и бюрократическое...» [1, с. 272]. Термин «бюрократия» применялся им здесь для обозначения уже трех взаимообуславливающих социальных явлений: 1) определенной социальной группы; 2) особой системы администрации; 3) одной из форм сознания, выступающей в качестве идеологии.

В противоположность гегелевскому противопоставлению государства личности и народу как «бесформенной массе», Маркс в качестве общественно-политического идеала выдвигает тезис преодоления отрыва государства от народа в виде установления демократии, более последовательно подходил к оценке бюрократии с классовых позиций. Придя к власти, буржуазия не ликвидирует прежний административный аппарат, а приспособливает его к своим потребностям и интересам, более того, именно его она и стремится в первую очередь как определенную функцию и механизм власти. Маркс при разборе конкретных социально-политических ситуаций все же отмечал относительную самостоятельность бюрократии, стремящейся к автономии в реализации собственных интересов.

К проблеме бюрократии Маркс обращался в работах, обобщающих опыт классовых битв 1848 — 1850 и 1871 гг.: «Морализирующая критика и критицизирующая мораль», «Буржуазия и контрреволюция», «Положение в Пруссии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и др. В них он рассматривал бюрократию как косную, консервативную, подавляющую силу, преграду на пути исторического прогресса, объясняя такое положение недостаточным развитием буржуазного общества, считая, что основной причиной поражения революции 1848 г. в Германии была непосредственность преобразований, которые оставили «нетронутыми все ее основы — старую бюрократию, старую армию, старую прокуратуру, старых... судей» [3, с. 247].

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс отмечает, что бюрократизация власти идет рука об руку с процессом укрепления исполнительной власти во Франции. При анализе ее развития выясняется, что при Наполеоне I она была лишь средством подготовки классового господства буржуазии; при парламентской республике бюрократия была орудием господствующего класса и только при втором Бонапарте она становится вполне самостоятельной. Как правило, политическое влияние бюрократии обратно пропорционально зрелости и силе основных социальных классов, составляющих общество: чем сильнее позиции этих классов, тем меньше самостоятельность бюрократии, и, наоборот, при определенном равновесии социальных сил создаются благоприятные условия для установления бюрократических и военно-бюрократических режимов.

Маркс находит социальные причины, поставившие у руля тогдашней Франции именно личность Луи Бонапарта, которая представлялась ему карикатурной и ничтожной, и делает вывод, что государственная власть не висит в воздухе. Бонапарт — представитель самого многочисленного класса малоземельного parcelного крестьянства. Эта громадная масса людей, изолированных друг от друга и неспособных защищать свои классовые интересы, нуждается в вожде, представляющем их и стоящем над ними, и «по своей природе представляет собой почву для всемогущей и бесчисленной бюрократии» [4, с. 212]. Взаимосвязь между ростом бюрократического аппарата и существованием многочисленного класса мелких производи-

телей отмечал А. Грамши: «существует... широкий социальный слой, для которого бюрократическая карьера (гражданская и военная) является чрезвычайно важным элементом его экономического положения и утверждения на политической арене» [5, с. 177].

Маркс выделяет три группы причин, обуславливающих эту взаимосвязь: экономические — существование мелкотоварного производства наряду с капиталистическим способом производства, что создает незанятое избыточное население; политические — расширение бюрократического аппарата за счет промежуточных классов и слоев позволяет господствующим классам превращать их в сторонников, союзников; идеологические — психология преклонения перед властью, которой, как правило, проникнуты представители промежуточных классов. Таким образом, бюрократия есть, во-первых, «государственный формализм» гражданского общества, во-вторых, она составляет особое, замкнутое, общество в государстве; в-третьих, бюрократия есть мнимое государство наряду с реальным государством, она есть «спиритуализм» государства.

Бюрократия, при всех ее положительных и отрицательных сторонах и противоречиях, выступает как особый способ осуществления власти. Рост бюрократического аппарата в современном мире связан с увеличением политических и социальных функций государства и величины тех слоев общества, которые зависят от него. Сегодня в экономике «свободная конкуренция заменяется бюрократическими методами управления, а в политике налицо типичное явление — усиление исполнительной власти за счет законодательной» [6, с. 153]. Это усиление означает делегирование господствующим классом политической власти группам профессиональных администраторов, что создает видимость «надклассовости» государства.

Впоследствии на содержание категории бюрократии оказала индустриальная социология, берущая свое начало от М. Вебера и технократическая идеология с ее оптимизмом, основанным на вере во всемогущество науки и техники, и убежденностью в том, что интенсификация производства и потребления автоматически приведет к исчезновению всех существующих социальных противоречий. Для Вебера «социальное пространство», в котором бюрократия утверждает свое господство благодаря «технизации» (рационализации) производственных процессов, это предприятие как иерархически организованный аппарат — «бюро» в самом широком смысле слова: организационно-управленческое, финансовое, конструкторское, превращающее все остальные его службы и звенья в подчиненные органы, в свое собственное «неорганическое тело».

Таким образом, процессы рационализации и технизации современного мира утрачивают свой фатально-необходимый характер, их источник усматривается в специфическом типе структурирования социальной деятельности, протекающей преимущественно в различных «бюро» — прежде всего, на производственном предприятии с его управленчески-финансово-конструкторским «ядром» в центре. Здесь эта деятельность «институционализируется», бюрократизируется, что и обуславливает социальную динамику и противоречивость нашей цивилизации. Именно эти «субсистемы целерационального действия» определяют далеко идущую «рационализацию» нашего мира, в них происходит борьба различных социальных групп за «господство в бюро» и человеческое действие «институционализируется», получая общественно значимое осуществление.

Свое продолжение эта борьба находит и в единоборстве социальных слоев за подчинение государственного аппарата, опираясь на который, группы, господствующие в «бюро», укрепляют свои позиции, узаконивают свои устремления. За процессами развития современной техники стоят определенные социальные группы, «руководящие инстанции», извлекающие выгоды из того, что процесс совершается именно в такой, а не в иной форме, таком, а не ином направлении. Распоряжение «определенной» собственностью (постоянным капиталом) открывает возможность распоряжаться собственностью «неопределенной» (переменным капиталом), в том числе человеческими и управленческими ресурсами.

Поэтому М. Вебер, в отличие от К. Маркса, «видел подлинный источник «отчуждения» не в отношениях собственности, а во всеилии бюрократических структур господства, в расширяющихся масштабах воспроизводящих современную систему индустриального капитализма» [7, с. 157]. В связи с перемещением проблематики «отчуждения» в сферу «бюрократических структур» раскрывается и другое отличие марксовской «социологии индустрии» от веберовской. Хотя и К. Маркс, и М. Вебер связывали будущее человечества с усилением технико-экономической рационализации, первый делает упор на средства производства, а второй на — средства руководства производственными процессами, дающего право распоряжения как «вещественными», так и «собственно человеческими» ресурсами, т.е. реальную власть.

Если К. Маркс связывал упомянутую перспективу с дальнейшим обобществлением «средств производства», то М. Вебер — с обобществлением «средств администрирования», находящихся в руках тех, кого можно причислить к «индустриальной бюрократии». «Измерение господства», играющее важнейшую роль в социологии М. Вебера, предстает во всей своей полноте и значимости именно в понятии предприятия, толкуемого как «кузница» технического прогресса и современной ему рациональности.

Изменения социально-профессиональной структуры современного общества, повышение удельного веса профессий «белых воротничков» приводят к бюрократизации общества. Социальное положение этого слоя двойственно: объективно они занимают положение наемных работников, однако, будучи выходцами из буржуазной среды, сохраняют субъективное ощущение своего отличия от пролетариата. Идеология собственников оказывается для них неадекватной; идеология пролетариата — неприемлемой. Они обращаются к технократической идеологии, «отрицающей доминирующую роль собственности при доступе к политической власти и провозглашающей важность специализированного знания как основания для доступа к принятию социально значимых решений» [8, с. 16].

В технократической идеологии существует три аспекта: а) соотношение знания и власти и определение движущей силы исторического прогресса; б) определение роли и места научного знания в технократической идеологии и его социального значения; в) выявление социальных факторов бюрократизации процессов управления. Проблема соотношения знания и власти рассматривается с точки зрения участия в принятии политических решений. Выделяют три концепции: консервативную, радикальную и промежуточную. Консервативная концепция ограничивает принятие решений функциями специалиста во вверенных ему звеньях управления. Техническая интеллигенция, соглашаясь на роль наемного труда, отдает

свои знания в обмен на тот ограниченный объем власти (управления), который представители буржуазии считают для нее допустимым.

Радикальная концепция утверждает, что политическое руководство должно принадлежать технократам, поскольку только знания могут служить критерием для отбора лиц, принимающих социально значимые решения на всех уровнях управления. «Технократия» должна стоять у власти потому, что «провозглашая идентификацию развития и социального прогресса, она идентифицирует интересы общества с интересами больших организаций», — отмечал А. Турен [9, с. 24]. Выдвижение политических руководителей выступает как социальный «естественный отбор», который способствует установлению «меритократии», «достойных власти» и дает шанс наиболее талантливым и знающим подниматься на вершину социальной иерархии благодаря своей социальной полезности. Развитие общества в таких условиях организуется наилучшим образом, ибо все решения принимаются в соответствии с критерием рациональности.

Промежуточная точка зрения рассматривает технократа в качестве специалиста-консультанта. Эта позиция оказывается выгодной и техническим специалистам, и крупной буржуазии: стороны принимают во взаимодействие друг с другом стратегию торга, где экономически и политически приемлемые для крупной буржуазии решения вырабатываются специалистами в обмен на определенную долю власти в сфере управления крупномасштабными социальными процессами. Выражая распространенное мнение, Д. Белл отмечает, что те, кто располагает социально значимыми знаниями — ученые, инженеры, менеджеры, должны «лихо конкурировать с политиками, либо становиться их союзниками» [10, с. 13].

Ни одна из сциентистских и технократических концепций не направлена на фундаментальные структурные изменения капиталистического общества. Каждой из них свойственна идея сохранения элитарного слоя — существующего или нового, имеющего полное право принимать все значимые социальные решения. Эта концепция подразумевает стремление ее сторонников образовать новую политическую элиту, оправдать свое право сменить тех, чья власть основывалась на крупной собственности. Наличие любой идеологии рассматривается в концепциях технократии как негативное явление, тормозящее социальный прогресс, основным критерием которого считается техницистски понимаемая эффективность. Эти концепции связаны с защитой и оправданием существующего в капиталистическом обществе социального и политического неравенства.

В связи с этим Д. Белл подвергал критике концепции «демократии участия», которая продвигала идею вовлечения общественности в процессы выработки социально значимых решений. По этому поводу он писал: «Расширение политической арены и вовлечение большого числа людей означает просто, что для достижения решения и для осуществления чего-либо требуется больше времени и больше издержек... Увеличение участия ведет к умножению числа групп, которые контролируют друг друга, и, следовательно, заводит в тупик» [10, с. 469]. То есть увеличение участия, как это ни парадоксально, всегда ведет к дисфункции политической системы.

В современных условиях социальные функции науки выступают как средство рационализации споров воспроизводства капитала. В рамках технократизма «деидеологизация» и свобода от оценочных

суждений превращаются в средство решения утилитарных задач, обеспечивая их формальные обоснования. Формально-логические критерии эффективности человеческой деятельности становятся социальной ценностью и приобретают статус нормативов взаимоотношений людей с природой и друг с другом. Система современной социальной организации, в рамках которой человек функционирует как часть машины, ведет к усилению бюрократических тенденций, изменяет соотношение в пользу антирационализма. Это является следствием повышения в современном обществе уровня отчуждения индивида от собственного труда и от самого себя.

Выявляется связь между техницистским подходом к процессам организации человеческой деятельности и бюрократизацией управления, которая возникает как результат, с точки зрения Г. Шмидта, линейаризации веберовского «тезиса о рационализации», который превращался в мифологему и отражал «завороженность», «загипнотизированность» техникой, рационализация в технически-организационном смысле ставилась в один ряд с рациональностью, понятой как «социально-материальная рациональность» [11, с.175]. В теоретическом осмыслении «пионеров» индустриальной социологии социальное развитие представало как «вещественно» обусловленная связь техники, производства и формы труда, при этом труд оказывался пассивным приспособлением к технике. Возникает тезис о передаче машине функций «начальства», «опредмечивании» господства и «деперсонализации» функций надзора и контроля за рабочими.

Эта идея воспринималась как реализация прогноза К. Маркса о необходимости отмене «управления людьми», заменяемого «управлением вещами». «Линейарное» понятие рационализации отвечало потребности соединить техницистские и технократические надежды с бесклассовой «моделью» индустриального общества, с понятиями «плюралистическое общество», «нивелированный средний слой», что «порождало иллюзию «параллелизма» углубляющейся («формальной») технико-экономической рационализации, с одной стороны, и с другой — возрастающей («материальной») социально-политической рациональности» [12, с. 118].

В настоящее время сциентистские и технократические идеи получили весьма широкое распространение. Идеи о том, что людьми можно управлять так же, как физическими объектами, что критерии эффективности кибернетических систем подобны критериям эффективности систем социальных, упрощают представления о закономерностях социальных явлений. Сторонники технократической идеологии, развивая концепции «модернизированного», «развитого индустриального» общества, «в конечном итоге снимают вопрос о необходимости классовой борьбы, считая, что все социальные преобразования автоматически совершатся техническими, а не политическими средствами» [8, с. 14].

Сциентистская и технократическая идеология распространяет и укрепляет такую систему ценностей, при которой в развитии производительных сил и производстве материальных благ теряется их гуманистическая сущность. Сегодня, когда в нашей стране встала проблема перехода к инновационным технологиям, возник вопрос не только об экономическом, но и социальном стимулировании научно-технического прогресса. Поэтому марксистские оценки бюрократии и ее социальных оснований не утратили своей актуальности, они служат надежной теоретико-

методологической базой для анализа процесса бюрократизации общественно-политической жизни, в том числе и современного российского общества. Весьма немаловажны поставленные проблемы для всех уровней власти, в том числе местных и региональных, в целом для разработки концепций социального развития.

Библиографический список

1. Маркс, К. К критике гегелевской философии права // Сочинения. Т. 1. — 2-е изд. — М., 1955. — С. 219-368.
2. Маркс, К. Оправдание мозельского корреспондента // Сочинения. Т. 1. — 2-е изд. — М., 1955. — С. 187-217.
3. Маркс, К. Судебный процесс «Neue Rheinsche Zeitung» // Сочинения. Т. 6. — 2-е изд. — М., 1957. — С. 235-253.
4. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Сочинения. Т. 8. — 2-е изд. — М., 1957. — С. 115-217.
5. Грамши, А. Тюремные тетради : избранные произведения в 3-х т. — Т. 3. — М. : Политиздат, 1959.
6. Зверев, А.Ф. Анализ социальной природы буржуазной бюрократии в работах К. Маркса // Социологические исследования. — 1986. — № 1. — С.149-154.

7. Mommsen, W. Max Weber. — Frankfurt-a-M., 1957.
8. Осипов, Г.В. Технократические концепции управления в современной социологии // Социологические исследования. — 1978. — № 3. — С. 13-20.
9. Tourain, A. The Post Industrial Society. — N. Y., 1971.
10. Bell, D. The Coming of Post Industrial Society. — N. Y., 1973.
11. Sprondel, W. M., Sayfarth, C. Hg. Max Weber und die Rationalisierung sozizlen Handelns // Technik und kapitalistischer Betrieb. Max Webers Konzept der Industriellen Entwicklung und Rationalisierungsproblem in der neueren Industriesoziologie. — Stuttgart : Ferdinand Enke Verlag, 1981.
12. Давыдов, Ю.Н. Техника и бюрократия // Социологические исследования. — 1988. — № 5. — С. 116-127.

КИБАРДИНА Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и политологии.

Статья поступила в редакцию 20.03.08 г.

© Л. Н. Кибардина

УДК 316

О. Б. БЕЛЫХ

Специализированное муниципальное учреждение
«Социально-реабилитационный центр
для несовершеннолетних»,
п. Ракитное Белгородской области

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

В условиях роста безнадзорности детей, подростков в России важное значение приобретает их социальная реабилитация. Одним из направлений повышения эффективности этой деятельности выступает ее технологизация. Выделено и рассмотрено десять реабилитационных технологий: программно-целевая, коммуникативная, релаксационная, оценочная, трудовая, тьюторская, тренинговая, патронажная, а также технологии формирования новой жизненной среды и формирования нормативной среды.

Недостаточное внимание к детям со стороны общества и государства приводит к значительному росту безнадзорности, беспризорности, жестокому обращению с ними, вовлечению их в антиобщественную деятельность. В этой ситуации особо важное значение приобретает социальная реабилитация несовершеннолетних (детей и подростков). Одним из направлений повышения эффективности этой деятельности выступает ее технологизация.

Технология (социальная технология) — определенный способ осуществления деятельности, связанный с ее расчленением на отдельные операции (действия), соблюдением их определенной последовательности, выбором наиболее рациональных способов (методов) их выполнения.

Из всего операционного и инструментального разнообразия социальной реабилитации детей и подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, можно выделить, на наш взгляд, десять социальных технологий: 1) программно-целевую технологию, 2) технологию формирования новой жизненной сре-

ды, 3) технологию формирования нормативной среды, 4) коммуникативную технологию, 5) релаксационную технологию, 6) оценочную технологию, 7) трудовую технологию, 8) тьюторскую технологию, 9) тренинговую технологию, 10) патронажную технологию.

Программно-целевая технология получила широкое распространение в системе управления социальной реабилитацией. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты Общероссийского конкурса на лучший инновационный проект в социальной сфере. Участниками конкурса были учреждения социального обслуживания населения, в том числе специализированные учреждения для несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и находящихся в социальной реабилитации. Свои программы на конкурс представило 171 специализированное учреждение. Программы 10 учреждений были признаны победителями, программы 91 учреждения стали лауреатами, остальные отмечены как участники конкурса.

Характерными особенностями целевых программ являются: 1) двуединая направленность деятельности — на ребенка и его семейное окружение; 2) наличие разработанного и апробированного комплекса подпрограмм, позволяющих в работе с ребенком и его семейным окружением полнее учитывать их индивидуальные особенности и проблемы; 3) взаимодействие специалистов разного профиля в общем процессе социального возрождения ребенка и восстановления его семейных связей; 4) ориентация программ на расширение реабилитационного пространства; 5) ориентация на повышение возможности для ребенка жить и воспитываться в родной семье [1].

Важнейшая задача *технологии формирования новой жизненной среды* — дать заброшенному ребенку новую среду обитания, новые впечатления, отличные от всего того, что он испытывал до сих пор. Создавая новую среду обитания в реабилитационном центре (приюте), важно позаботиться не о богатой, бьющей в глаза обстановке, которая может быть и удивит инспектирующих, но не возвысит поселившихся там детей. Главная забота состоит в том, чтобы в стенах Дома было то, что в наибольшей степени удовлетворяет интересы детей и помогает развивать у них социально значимые потребности.

Необходимым условием социальной адаптации подростка является четкое разграничение в жизни центра разрешаемого и запрещаемого — «можно» и «нельзя». С решением данной задачи связана *технология формирования нормативной среды*. Эта технология, в частности, требует понимания того, какие факторы привели к низкому уровню усвоения подростком социальных норм. Важным условием адаптации подростка является исключение из педагогического обихода жестких и категорических требований. Груз моральных, дисциплинарных, режимных требований, которые ребенку предстоит освоить, не должен быть непосильным, пугающим, отталкивающим. Поэтому с самого начала в коллективе сотрудников спокойно и сознательно определяют, где они готовы к снисхождению, прощая на первых порах нежелательное поведение, а где такого снисхождения быть не может.

Адаптация подростка в новых условиях в значительной мере зависит от качества человеческих сетей и отношений, в которые включается ребенок. В первую очередь речь идет об установлении позитивных отношений со взрослыми, работающими в центре, о восстановлении нормального общения подростка с ними. Не случайно для значительной части детей, попадающих в учреждение социальной реабилитации, характерны трудности в общении со взрослыми и сверстниками. Однако если не восстановить коммуникативные связи подростка, сложно достигнуть восстановления и других видов деятельности — трудовой, познавательной, игровой, ибо общение присутствует в каждом из них.

Существенную помощь сотрудникам реабилитационного учреждения может оказать *технология установления контакта*, разработанная доктором психологических наук Л. Б. Филоновым. Технология включает несколько стадий, прохождение которых позволяет установить с подростком контакт, на основе которого в дальнейшем может развиваться более полноценное общение с ним. *Первая стадия* — «накопление согласий» между взрослым и подростком, т.е. установление единства взгляда на какие-то вещи. *Вторая стадия* — поиск нейтральных интересов и увлечений подростка, цель которого возбудить у него положительное эмоциональное состояние.

Замечено, что сам факт заинтересованности взрослого тем, что больше всего нравится подростку, он воспринимает как свидетельство особого внимания к нему. Он это ценит и охотнее идет на контакт. На что же опереться взрослому в поиске базы для контакта? Лучше всего обратиться к наиболее предпочтительному для подростка времени препровождению («чем он любит заниматься?», «какое занятие ему нравится?»...). Если мы благополучно миновали две первые стадии, подросток начинает с большим доверием относиться к партнеру по общению и теперь важно не пропустить, уловить тот момент, когда у него возникает желание открыть что-то о себе («я не боюсь...», «я видел...», «я был...», «я знаю...» и т.д.). Все, что он о себе говорит, следует обсудить как важное сообщение. На этой — третьей — стадии для взрослого есть три запрета: нельзя сомневаться в том, что подросток говорит о себе; не следует возражать ему; ни в коем случае не вступать с ним в спор. На *четвертой стадии* движения к контакту выясняются те качества личности, которые опасны для установления взаимодействия. Достигнув этой стадии в общении со взрослым, подросток освобождается от внутреннего напряжения, и взаимодействие с ним переходит на пятую стадию, с которой начинается процесс выработки общих принимаемых и подростком, и взрослым норм поведения.

Заметим, что дезадаптированные дети особенно устают от непрерывного пребывания на людях, уединение для них чрезвычайно важно — они сбрасывают психологическую перегрузку, осмысливают новое течение своей жизни, фантазируют. Поэтому важно создать уютные уголки, где можно побыть одному.

Обеспечение подобных условий — основная цель использования *релаксационной технологии*. Особенно важны первые шаги воспитания специализированного учреждения. Очень желательно, чтобы вхождение его в Дом осуществлялось в обстановке покоя, без суеты, излишнего возбуждения. Особое значение это имеет в момент вхождения подростка в группу. Даже если эта группа существует недолго, все равно она уже представляет собой определенное контактное объединение детей, в котором складываются некие правила общения и взаимодействия. В жизни центра необходимо преобладание спокойной, ровной, доброжелательной атмосферы. Она дает возможность подростку успокоиться, снять напряжение, страх, оценить новые условия жизни, выбрать линию поведения.

Сфера применения релаксационных технологий социальной реабилитации не ограничивается рамками специализированных учреждений. Она гораздо шире, охватывает региональные масштабы.

На региональном уровне социальная релаксация несовершеннолетних осуществляется посредством организации их отдыха и оздоровления. Так, в Белгородской области разработан и реализуется комплекс мероприятий по обеспечению максимального отвлечения детей и подростков от влияния неблагоприятных факторов и созданию организованного отдыха и досуговой занятости в период летних каникул. В целях координационной деятельности субъектов системы реабилитации по предупреждению безнадзорности, беспризорности и правонарушений, в рамках реализации программы проводится межведомственная комплексная профилактическая операция «Подросток». На территории области функционирует 29 оздоровительных лагерей загородного типа, 509 школьных оздоровительных лагерей, 424 лагеря труда и отдыха. Организованными формами летнего отды-

ха и оздоровления ежегодно охватывается до 150 тыс. детей и подростков [2].

Еще один важный способ социальной реабилитации несовершеннолетних — *трудова́я технология*.

Использование труда как эффективного средства социальной реабилитации и воспитания дезадаптированных детей и подростков требует от работников социальных центров (приютов) серьезно и ответственно отнестись к отбору видов и содержания труда и организации трудовой деятельности воспитанников. Прежде всего, труд воспитанников должен быть *разнообразным* по своему содержанию и формам, характеру, что дает им возможность довольно широкого выбора его видов в соответствии со своими интересами, склонностями и способностями. Другим важным требованием к организации детского труда в социальном приюте является *обеспечение его посильности и доступности*. Слишком трудные задания не содействуют концентрации внимания, приводят к быстрому физическому утомлению подростков, снижают интерес к работе. Воспитательная и реабилитационная эффективность детского труда во многом зависит от его *целенаправленности и результативности*. Редко кому безрезультатный труд приносит удовлетворение. Если говорить о детях, то психологи, исследовавшие эту проблему, пришли к выводу, что в подростковом возрасте происходит переориентация с процессуальной стороны труда, свойственной в значительной степени детям младшего возраста, на результативную. Труд воспитанников социального приюта должен быть *достаточно длительным и систематическим*, а не подменяться разрозненными и эпизодическими трудовыми мероприятиями. Лишь тогда, когда дезадаптированные дети и подростки систематически упражняются в различных видах трудовой деятельности, имеет место процесс социальной реабилитации, а труд превращается в привычку.

Чрезвычайно важными и актуальными в воспитательном плане являются вопросы *стимулирования детского труда* в центре. Для дезадаптированных детей и подростков нужны эффективные и постоянно действующие стимулы, представляющие собой разумное сочетание моральных и материальных поощрений за труд, начиная от простой похвалы воспитателя или инструктора и кончая выплатой денег за работу и произведенную продукцию.

Таким образом, трудовая технология социальной реабилитации несовершеннолетних связана с соблюдением требований разнообразия, посильности и доступности трудовой деятельности, ее целенаправленности и результативности, достаточной длительности и систематичности, а также стимулирования детского труда.

Рассмотренные выше технологии не исчерпывают проблемы адаптации и реабилитации несовершеннолетних в специализированном учреждении. Чтобы укреплять и развивать нормальные коммуникации подростков, воспитателю следует грамотно использовать оценочные воздействия.

Непременным требованием *оценочной технологии* — к ее рассмотрению как раз приступаем — должно стать следующее: «Подвергай критике поступок, не распространяй своих оценок на личность в целом». «Стремись заметить в ребенке положительное и опереться на него». Умение воспитателя общаться без постоянных нареканий основано на вере во все лучшее, что есть в подростке, опоре на сильные стороны его личности. Воспитатель должен намеренно не афишировать слабости, недостатки, несовер-

шенства подростка, направляя усилия на подкрепление и развитие положительных сторон личности.

Особенно важное значение имеет соблюдение правил поощрения и наказания (порицания). Эффективность поощрения обеспечивается при соблюдении правил позитивных отклонений, выбора релевантных показателей, определенности и психологической значимости; эффективность наказания (порицания) — при правильном отношении к оцениваемому, правильном выборе места оценки, правильном выборе времени, правильном выборе меры, изложении содержания поступка, критике только поступка, исключении безысходности, объяснении важности изменения поведения.

Как показывает практика, значительный эффект в социальной адаптации и реабилитации несовершеннолетних значит технология *социального тренинга* [3]. Так, коммуникативный тренинг «Школа общения» ориентирован на развитие коммуникативной культуры личности воспитанника приюта, как активного участника культурного общения. Занятия позволяют повысить коммуникативную компетентность подростка, способствуя тем самым его социальной адаптации и реабилитации. Они стимулируют самосознание и формирование умения терпимо воспринимать информацию о себе от других, развивают умения самоанализа и преодоления психологических барьеров, мешающих самовыражению. Коммуникативный тренинг способствует формированию толерантного отношения к себе и другим, укреплению позитивных межличностных связей в детском коллективе, развивают способность «прислушиваться» к своим потребностям, формулировать жизненные цели.

Еще одна важная и сравнительно распространенная технология социальной реабилитации несовершеннолетних и их семей — технология социального патроната [4].

Социальный патронат — это система взаимоотношений социальной службы с семьей как с клиентом, попавшим в особо трудную или опасную жизненную ситуацию. Договор о патронатном воспитании заключается между уполномоченной службой по патронату и патронатным воспитателем при обязательном условии разграничения ответственности по защите прав и законных интересов ребенка между родителями, патронатным воспитателем, уполномоченной службой по патронату.

Патронат над ребенком может осуществляется до достижения несовершеннолетним возраста 18 лет. Он может устанавливаться краткосрочно — на срок одного дня до шести месяцев; долгосрочно — от шести месяцев и более.

Помещение ребенка на долгий патронат производится в случае, если не предоставляется возможным передать ребенка на усыновление. При передаче на усыновление ребенка, помещенного на патронатное воспитание в семью, преимущественное право усыновления этого ребенка предоставляется патронатному воспитателю, в семье которого воспитывается ребенок. Различают также патронаж: *обычный* — осуществляется в первые три месяца после возвращения ребенка в семью — 1 раз в месяц, следующие шесть месяцев — 1 раз в три месяца; *контрольный* — осуществляется на втором году проживания возвращенного ребенка в семью — 1 раз в полгода; *экстренный* — осуществляется при поступлении сигнала о фактах неблагополучия в семье; *срочный* — осуществляется по запросам семьи при возникновении проблем, разрешение которых требует помощи сотрудников центра.

Завершая рассмотрение технологий социальной реабилитации детей и подростков, отметим, что это такие технологии, над которыми еще предстоит работать — работать над совершенствованием и «шлифовкой» их основных компонентов — функционально-целевого, нормативного, операционно-процедурного и инструментального.

Библиографический список

1. Программа социальной реабилитации несовершеннолетних: В помощь сотрудникам специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации. — М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2002; Программа психолого-педагогической реабилитации несовершеннолетних: В помощь сотрудникам специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации. — М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2002; Программа медико-

социальной реабилитации несовершеннолетних: В помощь сотрудникам специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации. — М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2002.

2. О положении детей и защите их прав в Белгородской области, 2006 год. Ежегодный доклад. — Белгород: Правительство Белгородской области, 2007.

3. Раскин, В.М. Структура и методика проведения социально-психологического тренинга // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. — 2001. — № 1.

4. Адресный социальный патронаж семьи и детей: Науч.-метод. пособие. — М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2000.

БЕЛЫХ Ольга Борисовна, директор.

Статья поступила в редакцию 16.11.07 г.

© О. Б. Белых

УДК 316

П. Н. ВОЙНОВ

Белгородский
юридический институт МВД РФ

ЖИЗНЕННАЯ СРЕДА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА И ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Успех профилактики социальных отклонений среди учащейся молодежи обусловлен во многом тем, насколько учитываются при ее проведении особенности жизненной среды учащихся, насколько широко и активно используется регулятивный потенциал этой среды. В данной статье обобщены результаты социологических исследований, проведенных в 2006—2007 гг. среди различных категорий учащейся молодежи г. Белгорода, а также несовершеннолетних правонарушителей, состоящих на учете в органах милиции.

Успех профилактики социальных отклонений среди учащейся молодежи обусловлен во многом тем, насколько учитываются особенности жизненной среды учащихся, насколько широко и активно используется ее регулятивный потенциал.

В данной статье обобщены результаты социологических исследований, проведенных среди четырех групп учащейся молодежи г. Белгорода: 1) учащихся старших классов общеобразовательных школ (опрошено 150 респондентов), 2) учащихся профессионально-технических училищ (93 респондента), 3) студентов техникумов (131 респондент), 4) студентов вузов (174 респондента), а также несовершеннолетних правонарушителей, находящихся на учете в милиции (50 респондентов).

Цель исследования — выявление регулятивного потенциала жизненной среды учащейся молодежи и возможностей его целенаправленного использования в профилактике социальных отклонений.

Теоретической основой исследования является понимание жизненной среды как среды непосредственного социального взаимодействия, в которую

входят: 1) группы социального контроля, 2) группы социальной поддержки и 3) референтные группы.

В качестве индикатора групп социального контроля было принято проявление ими интереса к учащимся, их поведению, отношению к учебе и другим людям. Подавляющее большинство опрошенных (77,2 %) считает, что окружающие проявляют к ним такой интерес. При этом обнаруживаются такие зависимости. Во-первых, чем выше образовательный статус молодежи, тем более чувствительна она к проявляемому интересу и тем больше заинтересованности к себе ощущает она со стороны окружающих. Во-вторых, усиление заинтересованности со стороны окружающих связано также с возрастными изменениями: чем старше респонденты, тем чаще фиксируют они интерес к себе со стороны окружающих.

Гендерные различия в данном случае не играют существенной роли. Несовершеннолетние правонарушители отличаются от других категорий молодежи дефицитом внимания со стороны окружающих и невысокой чувствительностью к проявлениям внимания. Причем оба этих признака взаимосвязаны. С од-

ной стороны, дефицит внимания притупляет чувствительность к его проявлениям. С другой — пониженная чувствительность к проявлениям внимания выступает своего рода защитой, компенсаторной реакцией на недостаток внимания со стороны окружающих.

В ходе исследования выяснялось также, кто проявляет интерес к поведению учащихся, их отношению к учебе, другим людям.

Подавляющее большинство молодых людей указывает на родных и знакомых. Такой же интерес, хотя в меньшей степени, проявляют друзья. Относительно меньше интереса проявляют к обучающимся учителя, преподаватели. Причем этот интерес ослабевает с повышением образовательного статуса респондентов. К юношам сравнительно более заинтересованное отношение проявляют учителя, преподаватели, к девушкам — друзья (подруги) по учебе. В отношении ответов молодых людей из группы риска констатируем значительное число затруднившихся с определением того, кто проявляет к ним заинтересованное отношение. Чуть меньше четверти опрошенных (22,0 %) указывает на заинтересованное отношение со стороны родных и знакомых.

Заинтересованное отношение к поведению учащихся молодежи проявляется, прежде всего, в форме замечаний и пожеланий по его изменению (на это указывает половина опрошенных). Обращают на себя внимание следующие зависимости. Во-первых, чем ниже образовательный статус обучающихся, тем больше затруднений испытывают они с ответом на вопрос относительно высказываемых замечаний и пожеланий. Во-вторых, чем меньше возраст респондентов, тем больше замечаний и пожеланий высказывается в их адрес. В-третьих, количество высказываемых замечаний и пожеланий увеличивается с повышением образовательного статуса респондентов. И еще одна важная зависимость: замечания и пожелания высказываются прежде всего не тем, кто их заслуживает и кто в них объективно нуждается, а тем, в ком субъективно заинтересованы, чье поведение вызывает постоянное и повышенное внимание со стороны окружающих.

Гендерные различия проявляются в том, что среди юношей сравнительно больше тех, кто отрицает факты адресуемых им замечаний и пожеланий, а среди девушек — тех, кто не помнит об этом. Две трети молодых правонарушителей не проявляют чувствительности к замечаниям и пожеланиям в их адрес со стороны окружающих.

Респондентам было предложено оценить полученные ими замечания и пожелания по критериям «полезности» и «справедливости». Больше половины опрошенных считают их полезными. В отношении их справедливости оценки оказались ниже на 12,4 процентных пункта. Получается, что полезными оказываются некоторые замечания, спорные с точки зрения их справедливости. Возможно, это те замечания, которые, будучи недостаточно справедливыми, выполняют профилактическую функцию, в чем и проявляются их полезности.

Оценка полезности и справедливости замечаний увеличивается с возрастом респондентов и повышением их образовательного статуса. Эта оценка также сравнительно выше в ответах юношей. Молодые люди из группы риска воспринимают полученные ими замечания и пожелания в большинстве случаев как бесполезные и несправедливые. Возможно, здесь срабатывает стереотип негативного восприятия замечаний и пожеланий, высказываемых окружающими людьми.

Замечания и пожелания вызывают различные реакции. Наиболее распространенные из них — внимание, заинтересованность и спокойствие; сравнительно реже возникают чувства недовольства, возмущения и совсем редко — беспокойство и тревога, благодарность, неудобство, безразличие. Каждый шестой из опрошенных указал на то, что «это зависит от того, кто делает замечания и какие замечания». Среди девушек относительно более распространены реакции беспокойства и тревоги, неудобства, также заинтересованности. Они же в большей мере утверждают: «это зависит от того, кто делает замечания и какие замечания». Что касается молодых людей из группы риска, то среди них сравнительно больше затруднившихся с идентификацией своих реакций на замечания и пожелания со стороны окружающих. Далее, частота их ответов по каждой позиции оказывается заметно меньшей, нежели в распределении ответов у основных групп опрошенных.

Продолжая анализ характера непосредственной социальной среды молодых людей, обратимся к рассмотрению круга людей, которым они доверяют. Как и ожидалось, большинство опрошенных (79,1 %) доверяет родственникам. Почти треть доверяет друзьям и знакомым. Остальным — учителям (преподавателям), священнослужителям, незнакомым — доверяют значительно меньше. Есть и такие (7,1 %), которые никому не доверяют.

С изменением возраста и повышением образовательного статуса опрошенных повышается чувствительность к вопросам доверия/недоверия в межличностных отношениях и уменьшается кредит доверия окружающим. Юноши более активны в выборе объектов доверия, среди девушек почти в два раза больше затруднившихся. Среди молодых людей из группы риска сравнительно больше тех, кто никому не доверяет. У них ниже показатели доверия родственникам, друзьям и знакомым. Относительно больше затруднившихся с определением объектов личностного доверия.

Доверие — это одна из важных линий межличностного взаимодействия. Еще одна линия — подражание. Около трети опрошенных (30,7 %) считают, что среди окружающих есть люди, которым хотелось бы подражать, но вместе с тем больше половины (52,5 %) считают, что таких людей нет. Каждый шестой из респондентов оказался в затруднении с определением возможных объектов подражания из своего социального окружения.

Чем старше становятся респонденты, тем меньше оказывается в их социальном окружении объектов для подражания. Число объектов для подражания уменьшается по мере повышения образовательного статуса. Вместе с тем с повышением образовательного статуса респондентов усиливается чувствительность к наличию/отсутствию объектов для подражания. Гендерный фактор не оказывает существенного влияния на отношения социального подражания. Что касается ответов респондентов из группы риска, то они распределились примерно на три равные части. Одна часть (34,0 %) заявила о наличии объектов подражания, вторая часть (30,0 %) указала на отсутствие таковых и третья часть (36,0 %) затруднилась с определением наличия объектов подражания.

Следующий вопрос относился к выяснению предмета подражания, т.е. того, кому хотелось бы подражать молодым людям. Ниже перечислены социальные качества (в порядке убывания значимости), вызывающие эффект подражания (в процентах к числу опрошенных): отношение к учебе, учебные успехи (39,8);

физические данные (38,3); целеустремленность (38,3); образованность, эрудиция (34,4); общительность (30,5); работоспособность (25,0); внешняя привлекательность (24,2); самоорганизация (16,4); порядочность, честность (16,4); успехи у противоположного пола (14,8); умение развлекаться (14,1); одежда, обувь, косметика (13,3); находчивость (13,3); другие качества (11,7).

Сравнительный анализ полученных данных приводит к выводам относительно наличия следующих зависимостей. Во-первых, с возрастом и повышением образовательного статуса учащихся уменьшается подражательная значимость «внешней привлекательности», «одежды, обуви, косметики», «находчивости», «общительности», «работоспособности», «самоорганизации», «умения развлекаться». Повышается подражательная значимость ценности «целеустремленности». Во-вторых, для юношей сравнительно большую подражательную значимость имеют «физические данные» и «находчивость», для девушек представляют сравнительно большую подражательную ценность «отношение к учебе, учебные успехи» «образованность, эрудиция», «целеустремленность», «самореализация», «порядочность и честность», «умение развлекаться». Особенно велико «подражательное» превосходство девушек по позициям «внешняя привлекательность», «общительность» и «одежда, обувь, косметика». В целом девушки проявляют более высокую подражательную активность, нежели юноши. В-третьих, уровень подражательной активности молодежи из группы риска значительно ниже ее уровня у остальных категорий молодежи. Если брать во внимание средний показатель «подражательной» значимости по каждой из рассматриваемых позиций, то у «обычной» молодежи он будет равен 23,6 %, а у молодежи из группы риска — всего 5,7 %, т.е. в четыре раза меньше. Далее, из «подражательного» пространства молодежи из группы риска выпадают такие социально значимые объекты (предметы), как «отношение к учебе, учебные успехи», «успехи у противоположного пола», «порядочность, честность». В тройке наиболее значимых предметов подражания оказывается «целеустремленность», «находчивость» и «работоспособность».

Непосредственная социальная среда учащейся молодежи включает не только тех людей, которым они подражают или склонны подражать, но и тех, к кому они обращаются в трудной жизненной ситуации. Судя по данным проведенного социологического опроса, подавляющее большинство опрошенных (73,5 %) обращается в трудной ситуации к родственникам, почти половина — к друзьям и знакомым. Остальные адресаты имеют значительно меньшую привлекательность. Девушки проявляют чуть более высокую склонность обращений к родственникам, друзьям и знакомым, юноши — к учителям, преподавателям, в молодежные организации и к другим людям. Молодые люди из группы риска сравнительно чаще обращаются к друзьям и знакомым и сравнительно реже — к родственникам.

Необходимость обращения за помощью к другим людям связана, в частности, с потребностью «поговорить по душам». Больше трети опрошенных молодых людей (36,1 %) постоянно испытывает такую потребность, 32 % испытывают ее «иногда», 18,9 % — «редко» и лишь 7,2 % респондентов не испытывает эту потребность (5,7 % опрошенных затруднились ответить). Чем старше учащиеся и чем выше их образователь-

ный статус, тем сильнее испытывают они потребность «поговорить по душам». Эта потребность сравнительно сильнее проявляется у девушек. Для молодых людей из группы риска характерны более слабые проявления потребности «поговорить по душам» и менее выраженная чувствительность к ситуациям, связанным с этой потребностью.

Завершая анализ жизненной среды учащейся молодежи как условия и фактора профилактики социальных девиаций, выделим его основные результаты.

1. Примерно четвертая часть учащейся молодежи не чувствует заинтересованности со стороны окружающих к своей учебе, поведению и т.п. Относительно больше обделенных таким вниманием среди молодых людей из группы риска. Среди них уже ниже уровень чувствительности к вниманию со стороны окружающих. Заинтересованное отношение выражается, как правило, в виде замечаний и пожеланий, которые вызывают у учащихся различные реакции — чаще всего внимание, заинтересованность, спокойствие и недовольство.

2. Большинство молодых людей доверяют родственникам, а потом уже друзьям и знакомым. К ним же обращаются они в трудной жизненной ситуации. Невысок рейтинг доверия учителям, преподавателям.

3. Обнаруживается дефицит объектов для подражания в ближайшей социальной среде. Предметы для подражания многообразны и изменчивы. С возрастом снижается подражательная ценность «отношения к учебе, учебных успехов», «образованности, эрудиции».

Библиографический список

1. Бутовская, Л.М., Козинцев, А.Г. Агрессия и примирение у школьников младшего школьного возраста (этологический анализ механизмов контроля социальной напряженности в человеческих коллективах) // Этнографическое обозрение. — 1998. — № 4. — С. 122–139.
2. Воспитательная работа в новых условиях (Опыт учреждений профессионального образования). — М.: Изд-во Академии профессионального образования, 2003. — 220 с.
3. Думиникэ, Ю.С., Клейберг, Ю.А. и др. Личность и социальная среда: вопросы теории и социальной технологии: Монография. — Тверь — Ярославль, 2001.
4. Емельянов, В.В. Студенты об адаптации к вузовской жизни // Социологич. исследования. — 2001. — № 9.
5. Зиборова, Е.И. Закономерности соревновательной детерминации и индивидуальном развитии человека // Теоретическая и прикладная социальная технология: сб. науч. ст. — Белгород: Изд. центр «Логия», 2003. — Вып. 5. — С. 48–51.
6. Зубок, Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологич. исследования. — 2003. — № 4. — С. 42–50.
7. Ковалева, А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологич. исследования. — 2003. — № 1. — С. 109–114.
8. Питка, С.Н. Регулятивные функции компаративных отношений // Теоретическая и прикладная социальная технология: сб. науч. ст. — Белгород: Изд. центр «Логия», 2003. — Вып. 2. — С. 20–210.

ВОЙНОВ Павел Николаевич, старший преподаватель.

Статья поступила в редакцию 16.11.07 г.

© П. Н. Войнов